

Спящая в огне

Автор:

[Карина де Сантис](#)

Спящая в огне

Карина де Сантис

Нет ничего опаснее тайн не поведанных и тех, кто эти тайны хранит. Этна – молодая целительница, живущая в лесной общине. Единственная из всех сирота. И это странно, ведь подобное в Форланде случается очень редко, учитывая, что каждый рожденный ребенок – очень ценный дар. А что, если она узнает тайну своей семьи и свое главное предназначение? Не зря ведь она нашла в библиотеке пергамент со странным пророчеством: "И проснется Спящая, дочь огня и той, что утаила ее рождение. И выпустит силу свою она на континент. И не будет пощады всем от огня ее и даже вода не сможет помешать ей возвратить смерть в дом родной".

Карина де Сантис

Спящая в огне

Пролог

– Приятно вновь вернуться в дом родной. Неприятно видеть предателя.

Говорившую сложно было назвать девушкой, но визуально она таковой являлась. Высокая, с королевской осанкой и острыми, точно кинжалы, чертами бледного

лица, на котором застыли лиловые трупные пятна. Нижнюю часть ее лица с тонкими невыразительно бледными губами скрывала молочная маска в виде закрытой челюсти хищного зверя. Да и вся она являла собой единый вид чудовищно мертвого человека, который невесть как стоит на ногах. Но, несмотря на мертвый внешний вид, она являла всем своим видом власть и древнее могущество. Стоять рядом с ней было также опасно, как касаться руками огня. И, тем не менее, двое людей находились почти рядом, не обжигаясь. Острое тело, буквально обтянутое бледной холодной кожей, показывало все ее кости. Точнее те, что не были скрыты за нарядом. Сшитое будто из самого ночного неба платье точно обтягивало фигуру, как вторая кожа, лишь к низу имея свободный край, который почти что прикрывал голые ступни. Платье имело две широкие лямки на плечах, которые плавно переходили в открытый лиф, оканчивающийся у живота тонким золотым поясом, похожим на маленькие звезды, и прикрывающий грудь лишь спереди. Тканевое украшение обвивало шею, мерцая странным блеском, а тонкие золотые цепи, отходящие от него, крепились к изящным наплечникам того же цвета, под которыми были шлейфы темной полупрозрачной ткани, свободно обвивающие руки. Волосы, противоречащие любым законам природы, были вороного цвета и струились по спине водопадом, украшенные изящной костяной диадемой.

Созданная из противоречий, она выглядела как труп со своими пятнами, раскинувшимися по коже будто странные созвездия, но при этом в этой девушке ощущалась такая древняя разрушительная мощь, перекрывающая мнимую слабость тела.

- Госпожа Смерть, - он улыбается ей улыбкой давнего знакомого. Из уголка сожженных губ стекает гранатовая капля крови. Девушка, чьи руки объаты огнем, стоит позади, взирая на гостью. Она ее знает. По легендам и преданиям, по рассказам стариков и по пророчеству, которое смогла исполнить. Она, дочь огня и той, что утаила ее рождение, исполнила предназначение, вернув Смерть на континент. Но какой ценой?

Она видела ее впервые. Юная душа рядом с разрушительной силой создания. Он был причиной, по которой Смерть покинула континент. Старая душа, посмевавшая изменить порядок вещей. И вот они наконец встретились лицом к лицу.

Шорох листьев и приглушенное пение птиц обволакивали ее, успокаивая. Ее родные земли, место, где она выросла. Она знает его как свои пять пальцев и никогда не заблудится в лабиринте почти вечнозеленых деревьев, окружающих ее дом со всех сторон. Многих могли пугать незнакомые тропы в густой чаще леса, но только не ее.

Тропа вывела Этну к ручью, протекавшему на стороне, где живут целители и, соответственно, она сама. Три теплых солнца, подобно трем правителям Форланда, прогревали землю с самого утра, но благодаря многовековым кронам деревьев здесь не было жарко и царил приятная прохлада. Опустившись на мягкую траву возле воды, молодая целительница поставила рядом с собой плетеную корзину с запасами трав, которые успела собрать утром. Часть из этих запасов останется на Севере, у самих целителей, а другая часть будет направлена на Юг – туда, где живут три правителя, а жизнь бьет ключом, не умолкая ни на миг.

Сама Этна ни разу не была на Юге. Она хоть и являлась целительницей, но пока еще не закончила стадию ученичества и поэтому не могла покидать Севера, ровно, как и другие ученики, живущие в других частях континента. Это были древние и негласные правила, которые строго блюлись. Но она знала, что Юг не похож ни на один из всех островов и имеет мосты соединения с каждым из них. На Западе, например, жил морской народец, владеющий магией времени. На Востоке жили горные воители, чьи сердца были закалены бесстрашием. На самом Севере живут целители и шаманы. А Юг является соединением всех этих островов и скоплением всех трех народов. Сердце всех разделенных островов, некогда бывших единым континентом.

До полуденных солнц нужно было еще успеть собрать некоторые травы и ягоды, но Этна начала работу еще с рассветом и теперь решила немного передохнуть. Наклонившись к ручью, она с безразличием посмотрела на свое отражение. Многих оно пугало, другим просто было неприятно, но она сама давно привыкла к этому безобразию. Ее лицо было испещрено множеством шрамов, один из которых едва не лишил правого глаза, а другой перечеркивал полные губы. Лисья узкая форма глаз с почти черной радужкой в обрамлении прямых темных волос, оканчивающихся на середине шеи, немного сглаживали внешний вид ученицы целительницы. Но не делали ее полностью красивой в чужих глазах. Ровно, как и в своих собственных.

Всю свою сознательную жизнь она пыталась выяснить, откуда у нее эти следы, протягивающиеся сквозь все ее тело, но ответов не находила. Родителей, избавившихся от нее в младенчестве, не было, чтобы задать вопрос, а старшие целители хранили молчание. В конце концов, Этна просто сдалась, решив, что ужасные шрамы так и останутся для нее загадкой.

Сняв легкую перчатку, сшитую из полупрозрачного материала, с руки, она зачерпнула ладонью воду и выпила эту жидкую прохладу. Сколько она себя помнила, Этна всегда была любознательной. Достигнув возраста обучения, каждый северянин мог решить для себя, чему он будет обучаться. Одни решали лечить физические недуги и становились целителями, оставаясь жить в Доме. Другие выбирали таинственный путь шаманов, способных влиять на незримые раны, неподвластные рукам целителей. Этна выбрала для себя первый вариант, но ей было интересно наблюдать и за работой шаманов. Ее интересовало абсолютно все. Не было такой темы, которую она не затрагивала хоть на немного. Поэтому неудивительно, что ее расстроила загадка происхождения собственных шрамов и отсутствия родителей.

Решив, что достаточно передохнула, целительница вытерла ладонь о свою легкую оливковую накидку, надела перчатку, скрывающую шрамы и поднялась на ноги, подхватывая корзинку. Осталось собрать водяную мяту и можно будет возвращаться домой.

Направляясь вниз по ручью, молодая целительница прислушивалась к звукам леса. Тот никогда не замолкал и всегда был полон звуков: то пением птиц, то шорохом животных. Сейчас вдалеке слышалось тягучее песнопение шаманов, обрамленное глухими стуками в бубен. Для целительницы, не слышавшей другой музыки, эти звуки были необычны и по-своему красивы. Она даже остановилась, слушая их. Разобрать язык, на котором пели лесные жители было невозможно, и это придавало шаманской музыке особую загадочность.

Поняв, что отвлеклась, Этна поспешила дойти до конца ручья к тому месту, где он впадал в Единое море. С этого берега можно было бы увидеть лишь далекие очертания Юга, если бы не густой туман, клубившийся у берега, будто назло скрывающий другую сторону. Хотела бы она однажды попасть туда. Но еще лучше было бы попасть на службу к трем правителям. Правда, для этого предыдущие правительницы должны были покинуть этот мир, чтобы дать дорогу своим детям. Сейчас правили три королевы и, насколько знала Этна, у них было три дочери, которые должны были в день своего совершеннолетия

взойти на престол. Души их матерей заберут древние девы Драмэйд и тогда, подобно трем светилам, взойдут на престол три правительницы. И вот тогда был бы объявлен набор на королевскую службу, привлекающий не только целителей, но и воителей с морскими магами.

Этим древним обычаям было много лет, но каждый раз задумываясь над их корнями Этна не могла перестать думать о том, как люди жили до того, как Смерть покинула Форланд. До того, как был разделен Форланд на четыре части. До того, как сестра Жизни перестала принимать людей с распростертыми ледяными объятиями.

Говорят, что раньше брат и сестра, Жизнь и Смерть, существовали на неразделенном континенте вместе, не нарушая естественный ход вещей и соблюдая четкое равновесие. Жизнь любил всех обитателей Форланда, но у Смерти в любимчиках был лишь морской народец. И не потому, что дева была высокомерна или ужасна. Просто это был единственный народ, которому Смерть не могла нечаянно своим прикосновением навредить и отнять жизнь. Но однажды морской народ решил поднять бунт, возмутьившись тем, что править континентом могут лишь южане. Воители гор, которые должны были защитить своих королей приняли участие в восстании. Полегло много народу. Земли окрасились в алые цвета крови невинных. И тогда Смерть разозлилась на своих любимчиков. В качестве наказания не только им, но и другим народам, ушла в Мертвые земли, лишив людей возможности умирать естественным для них путем и разделив континент на отдельные части, чтобы не повадно было людям, и чтобы поняли они – главенство всегда будет за народом Юга.

Людам Форланда, осознавшим, какую беду они сотворили, не оставалось ничего, кроме как объединить силы и создать тех, кто будет переселять души из одного тела в другое, заменяя подобным образом Смерть. Так и появились Драмэиды, которые до сих пор помогали одним людям покидать этот мир, а другим приходить в него. Ведь те, кто не могли покинуть этот мир должным образом теряли свою человечность, представляя угрозу для остальных.

Собирая тонкие стебли мяты и укладывая ее в корзинку аккуратной кучкой, Этна думала о том, какой мотив был у ее родителей, раз они бросили ее в младенчестве. Как можно так поступить, когда новая жизнь была на вес золота? Пары, собирающиеся завести ребенка, искали стариков, чтобы договориться о переселении душ, а зачастую это было очень нелегко. Никто в здравом уме не будет рожать ребенка, а после отказываться от него. Никто, кроме родителей

целительницы-сироты.

Набрав достаточное количество мяты, Этна встала с земли и направилась обратно в чашу леса. Три солнца зависли в зените, но при этом два из них всегда висели ниже одного, не образуя четкой прямой яркой линии. В животе заурчало от голода. Пора было возвращаться в Дом Белой Волчицы.

Целители и шаманы имели различие не только в методах и областях лечения, но и в условиях проживания. Целители предпочитали жить в небольших деревянных одноэтажных строениях, почти что переходящих друг в друга, в то время как шаманы жили в шалашах в другой части леса, считая, что это больше объединяет их с природой леса и покровительницей Белой волчицей – девушкой, которая первая даровала людям свободу от боли, изучив искусство врачевания у волков. Матери леса, как еще иначе ее звали, возносили молитвы все северяне, благодаря ее за сохранность границ и прося о мудрости во время врачевания.

Миновав все знакомые кусты с пнями, Этна наконец оказалась дома. Небольшое поселение целителей представляло собой деревянные строения, возведенные в виде круга с центральной аркой, являющейся проходом. Вокруг них не было ни забора, ни иных препятствий, чтобы пройти. Правда, без посторонней помощи и при отсутствии знания леса так просто их жилища было не найти. Посередине между строениями была чистая полянка, где можно было отдохнуть или позаниматься на открытом воздухе. Позади домов располагался небольшой огород, где выращивались овощи и некоторые целебные травы. В основном северяне сами обеспечивали свое существование, занимаясь земледелием и различным рукоделием, вроде плетения корзин. Но за некоторыми вещами, вроде одежды или улучшенных материалов для лечения, им приходилось обращаться к народам других сторон, обменивая их на лекарственные растения.

Сейчас на поляне никого не было, поэтому Этна направилась в самое крайнее строение, где хранились запасы трав. Внутри было темно и прохладно – то, что нужно для хранения лекарственных запасов. Оставив дверь открытой, чтобы не тратить время на зажигание свечи, Этна уверенными и быстрыми движениями рассортировала каждый вид трав по своим местам, довольствуясь тем светом, что проникал в помещение извне. Она довольно часто бывала в кладовой, наводя здесь порядок и перебирая травы, поэтому ей не составило никакого труда быстро справиться с опустошением корзинки.

Забрав корзинку с собой, Этна вновь оказалась на улице. Всего пара шагов отделяла ее от того, чтобы зайти в Дом и передохнуть, но на поляне внезапно появился чужак. Он буквально ввалился через арку, окрашивая зелень под короткими кожаными сапогами со шнуровкой багровым золотом. Его пшеничные волосы были испачканы в крови, будто в брусничном соке, и прилипли к твердому подбородку, а дыхание с хрипом вырывалось из сильной груди, спрятанной за нагрудным облегченным доспехом. За спиной, обвивая сильные плечи, колыхался плащ с капюшоном стального цвета на простой застежке. Удобные узкие штаны были заправлены в обувь, а на бедрах весела перевязь с ножнами, откуда выглядывала рукоять меча. Этна замерла, пытаясь понять, как воитель гор (а это, вне всякого сомнения, был именно он) нашел дорогу к жилищу целителей. Выглядел юноша, пожалуй, как ее ровесник, даже с учетом небольшой щетины на мужественном лице, разве что ростом был выше ее на две, а то и три головы.

- Помоги, - страшно прохрипел он, опасно пошатнувшись, заставив целительницу вмиг отмереть, подскочить к воителю, закидывая его тяжелую руку на свое плечо и начиная почти что тащить его на себе в Дом Белой Волчицы.

Глава 2

Это была вполне обычная практика - принимать раненых восточных людей. Горные воители, постоянно практикующие свое священное искусство, не щадили друг друга на таких учения, а потом выходило то, что увидела Этна во дворе обитания целителей. Отсутствие Смерти не позволяло никому во всем Форланде покинуть этот мир естественным путем и только поэтому эти бедолаги с закаленными сердцами не умирали от своих ужасных ран и имели силы буквально доползти до целителей, чтобы получить помощь. Как сейчас, например.

Дом встретил Этну привычными звуками, разговорами и смехом. С кухни доносился манящий запах готовящегося обеда. Не обращая внимания на все, целительница остановилась на пороге, чем могла бы вызвать удивление у чужака, если бы тот был способен испытывать эмоции. Поддев носком сапог под

пяткой, она легко стащила его, проделывая ту же махинацию и с другой ногой. Оставшись босой, заставила его прислониться к стене, садясь на корточки и начиная расшнуровывать чужую обувь, стягивая ее с ног, не без удивления замечая внутри подкладку из теплого меха, но быстро отмахиваясь от эмоций. Убрав обувь в небольшой напольный шкаф, где и без того стояли другие сапоги, целительница наконец встала на ноги.

Северяне в виду своей деятельности были очень чистоплотными людьми, поэтому не имели привычки ходить в обуви по дому, всегда оставляя ее на пороге. И этому негласному правилу должны были следовать и те, кто приходил к ним за помощью.

Вновь закинув могучую руку на свое маленькое плечо, Этна потащила воина в левое крыло, где обычно принимали раненых. Там было достаточно просторных комнат с кроватями и необходимыми травами, чтобы за ними не нужно было бежать в хранилище. Чужак не проронил ни слова с того самого момента, как увидел свою спасительницу и теперь в очень хриплом молчании телепался рядом с ней, ощущая мягкий холод под огрубевшими ступнями. Не такой, как в его стороне. Другой. Щадящий и добрый.

По пути им встретилась еще одна ученица целительницы. Незнакомка для воителя, но Августа для сироты. Она как раз возвращалась из левого крыла, видимо, занимаясь небольшой уборкой. В руках у девушки, похожей на молодую березу, был небольшой поднос, где лежали иссохшие травы. Распущенные каштановые волосы задевали сухие лепестки, собирая их на пряди, будто диковинные украшения. Изящная фигура была скрыта под коричнево-зеленой рубашкой на завязках и широкой юбкой на оттенок темнее, из-под которой виднелись голые ступни.

– Позови Калисто, прошу, – быстро проговорила Этна, натываясь на зеленый высокомерный взгляд, предназначающийся ей. После глаза цвета листвы переместились на незнакомца, с интересом рассматривая его, на ходу кивая и убегая за наставницей.

Оказавшись в маленькой комнате с таким же маленьким окошком, которое, впрочем, давало достаточно света и уюта, молодая целительница помогла воителю сесть на простой деревянной кровати, которая была аккуратно застелена постелью бледно-зеленых цветов. Тот, устроившись поудобней, снял перевязь с бедер, устраивая оружие под рукой. Подойдя к небольшому столу,

находившемся у стены, она налила воды из деревянного кувшина в тазик, стягивая легкие перчатки, и моя руки довольно быстро, но хорошо и лишь после этого возвращаясь к раненому.

- Где еще есть раны? - спросила она, раздвигая жесткие волосы в стороны, осматривая широкую, но не глубокую царапину на голове, только сейчас замечая, что часть волос чужака была заплетена в мелкие тугие косы, идущие по затылку и водопадом теряющиеся в распущенных, доходящих до подбородка волосах. Такую рану можно было нанести только чем-то очень острым. Неужели они не используют доспехи и шлемы, тренируясь друг с другом?

- В груди. Тоже царапина, - хрипнул горный воитель, не морщась, когда чужие руки касались раны. Ему будто не было больно. Будто ужасная боль не поглощала его тело, утягивая на дно спасительного забвения.

- Почему один? - в комнату, будто порыв летнего ветра, вошла невысокая женщина, чьи русые волосы были собраны в простую прическу на затылке, демонстрируя три родинки на щеке и два водоема глаз. На женщине было приталенное платье цвета малахита, по низу которого был нанесен красивый узор из вышивки. Ступни ее были такими же голыми, как и у всех присутствующих в комнате.

Незнакомец поднял на нее равнодушные очи. Целительница скрестила указательные и большие пальцы, сжимая остальные и прижимая такие ладони к груди, чуть склоняя голову, приветствуя таким образом и ученицу, и одинокого незнакомца. Этна, которая со стыдом поняла, что даже не поздоровалась с воителем, показала знак приветствия наставнице и юноше. Тот равнодушно взглянул на обеих, видимо, не посвященный в тонкости вежливости лесного народа.

Калисто подошла ближе к молодым людям, тоже осматривая рану, качая головой.

- Отправили одного. Я в порядке.

Она закатила глаза на это заявление, явно несогласная с тем, что можно быть в порядке в таком-то состоянии. Женщина отошла в сторону, не мешая Этне, но контролируя каждое из ее действий - на этапе ученичества она не могла сама

лечить кого-либо без присмотра наставницы.

Это был не первый воитель за все время обучения Этны, поэтому ее действия были четкими – она знала, что, как и в какой последовательности следует делать.

Вооружившись нужными лекарствами, заранее приготовленными из трав, смочила чистую тряпку в небольшом тазе с водой, промывая некрасивую рану. Воин сидел спокойно и его лицо не выражало никаких эмоций. Вот к этому точно нельзя было привыкнуть даже за все время обучения. К этой ненормальной и дикой реакции на боль. Точнее, ее отсутствию. Дело в том, что горные люди, избравшие для себя путь воителя, проходили не только серьезную боевую подготовку. В конце их ждало испытание болью, во время которого кузнец наживую закалял сердце воителя, как закалял металл для оружия. Если ученик проходил испытание, то имел право называть себя воином и больше не испытывал никаких чувств, которые могли бы помешать ему в бою. До ухода Смерти те, кто не прошли испытания просто умирали, но теперь, потеряв свой человеческий облик из-за дикой боли Драмэиды вынуждены забирать их души, оставляя себе для того, чтобы отдать их новому поколению.

Именно это и было диким: знать, что сидящий перед Этной молодой человек прошел испытание болью, став безразмерно храбрым и бесчувственным и теперь он не испытывает ничего во время боя или лечения. Дико.

Руки целительницы уверенно обрабатывали чужую рану в тишине, которую изредка нарушало тяжелое дыхание воителя. Калисто молча наблюдала за процессом, не вмешиваясь, уверенная в своей ученице на все сто процентов, а раненому было просто нечего говорить. Горные люди никогда не отличались чрезмерной разговорчивостью.

– Покажи рану на груди, – спустя время попросила Этна, чуть отойдя от юноши, чтобы тот не зацепил ее своими могучими руками. Пробраться к ране казалось делом не простым из-за экипировки, но воителю, видимо, было в привычку и для него не составило никакого труда расстегнуть простую застежку на легкой накидке с капюшоном металлического цвета, снять облегченный вариант доспехов с груди и лишь после избавиться от самой простой белой рубахи. Вещи он самой “аккуратной” грудой оставил на кровати позади себя, не поморщившись, когда нужно было повернуться для этого. Наставница девушки во второй раз закатила глаза.

Если бы не "царапина", целительница бы с удовольствием позволила себе подольше рассмотреть прекрасное рельефное тело, отточенное жесткими и усердными тренировками. Лишь на долю секунды лисьи глаза задержались на длинном розовом шраме, буквально рассекающим грудную клетку. Шрам испытания болью. Она не стала ничего говорить про рану, отводя взгляд и от следа закалания сердца, просто принявшись за работу, промывая ее, действуя быстро и аккуратно.

- Царапина? Поразительно, как тебе легкое не проткнули. И с этим тебя отправили одного? Твой наставник идиот, - а вот Калисто молчать не стала, высказывая свое явное недовольство от увиденного. Видимо, все еще не могла поверить в то, что воителя отправили одного в такой дальний путь.

- Я в порядке, - будто машинально отозвался юноша, даже бровью не поведя на резкое высказывание старшей целительницы. Казалось, его вообще ничего не волновало и ничего не могло вывести на эмоции.

На эти слова старшая целительница лишь фыркнула, кажется, едва сдержавшись, чтобы не закатить глаза в третий раз. Можно было привыкнуть ко всему, но только не к полному бесчувствию восточного народа. И их безрассудности. Которую Калисто искренне считала тупостью. Впрочем, нельзя ее винить в этом.

Рана на груди была серьезней, чем на голове и из-за того, что была рядом с легким нуждалась не только в обработке, но и в том, чтобы ее зашили. Поэтому ученица целительницы на миг отошла к ящику комода, на котором стоял таз с водой, взяла аккуратную тонкую иглу, обработала ее в специальной жидкости из баночки, что стояла по соседству и лишь после ловко вдела черную нить в маленькое ушко, возвращаясь к гостю из гор. Прикусила язык, чтобы не сказать, что будет неприятно и только то, что она не обезболила участок кожи напомнило ей о том, что в предупреждении не было смысла. Развернув воителя корпусом в другую сторону, она присела на кровать, придвигаясь поближе и начиная зашивать кожу. Этот процесс всегда был болезненным и с обезболиванием, а без последнего... Но воителя этот момент ничуть не смущал и не волновал. Его грудь продолжала вздыматься и опадать в своем темпе и ни одна мышца не напряглась, когда тонкое острие проткнуло кожу, соединяя один участок с другим аккуратным стежком.

Закончив, юная целительница сделала маленький узелок, обрезая нить, что неестественно выделялась на естественном цвете кожи. Стоило Этне наложить целебную кашицу из перетертых трав на зашитую рану, накрывая ее тугим слоем повязки, как тяжелое дыхание воителя стало более размеренным и тихим. Сложно было сказать, ощутил ли он весомую разницу после полученной помощи, но теперь, по крайней мере, силы к нему будут возвращаться быстрее.

– Отличная работа, Этна. Приберись за собой и приходите есть. Не думаю, что он еще готов отправляться обратно, – раздав указание, Калисто покинула комнату, ничуть не смутившись того, что так грубо говорила о незнакомце в его присутствии. А вот Этну такие слова немного смутили.

Собрав ступку и прочие вещи, используемые для лечения, целительница отошла к столу с тазом, где принялась мыть испачканные предметы. Она не смотрела на воителя, только слышала его успокоившееся дыхание и думала о том, что это первый незнакомец, который не отшатнулся от нее, увидев шрамы. Было неясно, о чем думал незваный гость, который продолжал хранить излюбленное молчание, привычными движениями натягивая на сильное тело одежду.

– Как тебя зовут? – негромко поинтересовалась она, на миг повернувшись к юноше, прежде чем вернуться к мытью пестика. Целители, обычно, не спрашивали имен тех, кого лечили, но сейчас в комнате было слишком тихо и слишком неловко. Хотелось прервать эту тишину хотя бы таким банальным вопросом.

– Андерс, – отозвался тот, в этот момент взглянув на свою собеседницу, кажется, не слишком заинтересованный в беседе. По крайней мере, в ее имени так точно. Больше всего сейчас его интересовало надевание нагрудного доспеха. На втором месте по интересам были грязные волосы.

– Почему ты не обратился за помощью к вашему целителю? – закончив с посудой и оставив ее около таза, Этна повернулась лицом к собеседнику, вытерев руки о полотенце, которое лежало рядом с ее оставленными перчатками. Восток был второй стороной после Юга, где жили не только коренное население, но и другие люди, целители. А учитывая деятельность воителей помощь лесного народа там была очень кстати.

– Он занят постоянно. Мой наставник сказал, так будет быстрее, — глаза цвета миндаля задержались на чужом лице и на какое-то мгновение целительница подумала, что перед ней нормальный человек, способный испытывать чувства. Но спустя секунду он вернулся к надеванию плаща, разрушая это впечатление. – У тебя красивые шрамы.

Этна не знала, что поразило ее больше: внезапная разговорчивость Андерса или то, что ее уродство назвали красотой. Смутившись и не зная, что делать, она отвернулась, хватая мокрую посуду и начиная вытирать ее полотенцем, украдкой глядя на собственные обнаженные кисти, покрытые вереницей шрамов. Первый комплимент за всю ее жизнь. Неужели ему и правда нравятся эти следы?.. Или это пустые слова вместо благодарности?

– Спасибо, – спустя время произнесла молодая целительница, начиная убирать по местам чистые предметы, но при этом не смотря на воителя. Слишком нереальным казались его слова.

– Шрамы – это украшение самой Гёдземы, – вновь нарушил тишину воитель, произнеся имя своей покровительницы с трепетом и любовью. Кажется, только к той, что в древности своими руками закалила свое сердце металлом, воин мог испытывать хоть каплю забытой любви.

Обычно, целители редко кормили своих "гостей", но Андерс был одним из тех случаев, когда лесной народ так поступал. Возможно, виной тому то, что он с ужасными ранами один дошел до них от самых гор.

Прежде чем покинуть маленькую комнату, Андерс помыл свои волосы как мог и теперь те влажными прядями липли к очерченному подбородку. Про обувь он так и не задал ни единого вопроса, несмотря на то, что ему было непривычно чувствовать прохладные деревянные доски под ногами. Этна, в свою очередь, не попросила его оставить оружие в комнате, слишком заинтересованная им, украдкой бросая взгляд на простую, ничем не украшенную рукоять.

Всю недолгую дорогу до столовой Этна думала о том, что ее шрамы в чужих глазах являлись красотой. Нереально. Чарующе. Невозможно. Она сама никогда не считала себя красивой, иногда завидуя другим девушкам. Никто никогда не говорил ей о том, что ее глаза похожи на безлунную ночь, а кожа нежнее любого шелка. И вряд ли кто-то скажет ей об этом. Но целительница до сих пор чувствовала теплоту в своем сердце от слов воителя. И постаралась запомнить это чувство как можно лучше, чтобы, глядя на шрамы, вспоминать о нем. Разжигать этот маленький огонек и греться.

Столовая представляла собой небольшой зал с широкими окнами, сквозь которые пробивался теплый дневной свет. Легкий прозрачный тюль колыхался от слабых порывов ветра, проникавшего сквозь открытое окно. В воздухе витал аромат горячей еды, а сидящие за столами переговаривались, черпая ложками сытный обед. Стоило двум молодым людям появиться в проеме, как на один миг разговоры стихли и все взгляды устремились на них. Ученица целительницы показала всем приветственный знак, склонив голову, а ее спутник весьма неумело и с запозданием повторил приветствие. Он был бесчувственным человеком, но отнюдь не тупым, чтобы не догадаться, что это значит.

Все собравшиеся, будто по команде, показали такой же знак, пришедший из древних и забытых рун, обозначающий их покровительницу. Но уже спустя секунду все вернулись к своим тарелкам и разговорам, хотя дети, которые сидели за отдельным столом и которых еще не посвятили в ученики, с любопытством смотрели на чужака, изучая его.

Этна уверенным шагом направилась к столу, за которым обедали ученики. Августа переговаривалась с Амосом – темноволосым и серьезным юношей, не упуская лишней возможности подарить ему свой взгляд. Тот, к слову, не без удовольствия его ловил и именно в эти секунды неприветливые черты лица разглаживались, а в некрасиво-серых глазах мелькали огни. На против парочки сидели двое близнецов – девушка и парень. Их лица имели одинаково лукавое выражение, отражающееся не только в голубо-серых глазах, но и в форме полных губ. Волосы у сиблингов были темно-русые: у Валериана были короткими, непослушными прядями вихрясь на голове, а у Виолы достигали середины шеи, но не вихрились, лежа в прическе более аккуратно. У обоих близнецов были острые скулы и точеный подбородок, и когда те не улыбались, то выглядели довольно воинственно. Настолько, насколько вообще могут выглядеть люди, не державшие ни разу в руках оружия.

Все присутствующие в просторной столовой были одеты в свободную одежду всех оттенков леса. Этна и Андерс были единственными, кто немного выделялись из толпы – первая своим плащом, который в спешке забыла снять и перчатками, которые не снимала при других без необходимости; а второй тем, что его одежда в целом не была лесного оттенка, так картину еще и добавляло оружие на бедре, которое всех неизменно привлекало.

– Это Андерс. Это Августа, Амос, Валериан и Виола. Садись, – представив всех сидевших за столом воителя, целительница устроилась на лавке рядом с Августой. Все уже и без того знали, что в их Доме появился временный гость, поэтому ничуть не удивились его появлению. Ученики дружелюбно отреагировали на знакомство, а вот сам воин ограничился кивком, садясь рядом с Этной. Если ему и было неловко среди них, то он этого не показывал. Повторяя за молодой целительницей, Андерс придвинул к себе пустую миску, накладывая в нее густое овощное рагу, беря хлеб из небольшой корзинки и приступая к еде. Опять непривычно. Там, где бушует жестокий холод, растительной пищи не водилось, а посему пробовать здешнюю еду было крайне странно. Но вкусно.

Какое-то время все сидели молча, переглядываясь между собой. В воздухе витал немой интерес. Молодым людям, живущих в различных частях, редко удавалось поговорить со своими ровесниками с других сторон. Исключением был только Отбор для Двора, который проводился каждый раз, стоило новым правителям взойти на троны. Тогда на Юг приходили все умельцы с трех сторон, чтобы иметь возможность пройти испытания и попасть на престижную службу во дворец.

Понимая, что от воителя лишнего слова не дожидаться, Августа решила нарушить тишину, включив все свое обаяние, чему Амос, разумеется, был не очень рад:

– Как вы там живете? В горах? Я слышала, что там одни голые камни и ужасно холодно.

– Да. Это суровое место, но воителям оно по нраву, – последовал ровный ответ от Андерса, который лишь на миг задержал безучастный взгляд на девушке, прежде чем вернуться к своей тарелке. Кажется, не всех молодых людей интересовала чужая жизнь.

– Ты ведь прошел испытание болью, да? – полюбопытствовал Валериан, вперив лукавые глаза в собеседника. Тот кивнул в ответ, не удосужившись даже рта открыть. – Это было больно? А шрам остался?

По слухам, кочующим с разных сторон, лесные жители знали про испытание воителей, из-за которых они становились отличными бойцами, но теряли свои эмоции. А еще им было известно и то, что каждому воителю вскрывали грудную клетку, чтобы добраться до самого сердца и закалить его горячим металлом. Этна, вспомнив длинный и неаккуратный шрам, рассекающий могучую грудь, засунула в рот ложку, полную рагу, делая вид, что не видела ничего на чужой груди. Хотя вряд ли горного человека это тревожило.

– Воители не хвастаются шрамами. И мы не говорим об испытании. Личное, – взгляд Андерса стал холодным, и Валериан отвел свой, уткнувшись в миску. Его сиблинг вмиг поджала полные губы, не оценив по достоинству то, что чужак пристыдил брата. Конечно, воин был прав, но это не значит, что кто-то мог стыдить члена ее семьи, если только это не она сама.

Любопытство за столом сменилось неловкостью, нарушаемой звуками обеда. Впрочем, совсем скоро звуки обеда вновь были прерваны словами.

– А что ты можешь сказать про шрамы Этны? – вопрос, который задал Амос, был непозволительным. Сама же Этна даже жевать перестала, вперив непонимающие черные глаза в некрасивые серые очи. Плечи напряглись, а взгляд стал темнее, стоило ей заметить таящуюся насмешку внутри чужих глаз. Он специально сделал это. Полные губы, перечеркнутые шрамом, сжались в линию. Она ошарашенно молчала. Огонь, разожжённый комплиментом воина, почти что затух в ее душе.

Среди соучеников эта тема была для нее болезненной и не самой приятной хотя бы потому, что, став взрослее, другие задирали молодую целительницу не только из-за шрамов, но и из-за отсутствия родителей. Подростки бывают очень жестоки. И любопытны. А кому не интересно знать, куда делись чужие родители, если Смерть много лет назад покинула Форланд, а каждый рожденный ребенок был желанным и долгожданным?

Этот вопрос мучил и саму Этну, но в моменты стычек ей было не до размышлений. Как и сейчас. Готовая уже хоть что-то ответить, она открыла рот,

но Андерс был быстрее, рассекая чужую насмешку будто сталь дерево:

– Они прекрасны, будто благословение Гёдземы.

Огонь, разоженный комплиментом воина, почти что затух в душе. Почти что.

Плечи Этны опустились, а сама она даже тихо и облегченно выдохнула, вновь ощутив то приятное тепло внутри, разгорающееся от этих слов. От этих слов, сказанных прилюдно. От слов, сказанных для тех, кто не считал шрамы красотой. Чужая поддержка казалась броней, защищающей от смертельных ударов.

Амос неопределенно хмыкнул, ухмыльнувшись, прежде чем продолжить есть. В этот миг его неприветливые черты лица стали еще более отчужденными.

Казалось, такой неожиданный ответ ввел в ступор всех учеников. До конца трапезы больше никто не задал ни единого вопроса.

Андерс ушел через час после обеда. Этна еще раз осмотрела его раны и дала кое-каких трав в дорогу на всякий случай. Сначала она хотела дать воину обезболивающее, но вовремя спохватилась, поняв, что то было ни к чему. Собрала сверток из горьких трав, которые нужно было пожевать перед дорогой, чтобы не чувствовать голода, а также баночку с мазью для ран. Дав наставления, она сначала хотела остаться в Доме, но передумала, загоревшись желанием проводить их внезапного гостя. Калисто позволила ей проводить юношу до моста, а после велела возвращаться.

Лес, полный знакомых звуков, приятно обволакивал. Иногда целительница не сдерживала улыбки, когда воитель наступал на ветку или громко пробирался через кусты: он явно не привык ходить по лесам, где каждый шаг был слышен всем. Сама Этна ходила тихо, будто и не касалась ступнями тропинки, огибая палки, тихо раздвигая густые ветви кустов и не наступая ни на один листик.

Молодые люди молчали, но это молчание не было обременительным. По крайней мере, для молодой целительницы точно. Ей было спокойно рядом с этим безэмоциональным сильным юношей, которому понравился ее изъяс. Наверное, поэтому она захотела его проводить. Не хотела так быстро расставаться с ним. Знала, что они вряд ли еще когда-нибудь встретятся.

Постепенно лес начинал редеть. Солнечного света становилось больше, трава делалась короткой, а пение птиц было не таким громким. Вдали уже виднелся длинный деревянный мост, соединяющий Север с Югом. С этого берега нельзя было рассмотреть противоположную границу, что давало повод задуматься: какая протяженность у этого моста, стоящего здесь испокон веков. Насколько знала сама Этна, требовалось полдня, чтобы оказаться на Юге и при этом по обе стороны простиралась лишь вода. Глушь и жуть. Путь предстоял долгим, учитывая, что нужно будет пройти какое-то расстояние на Юге, чтобы дойти до моста, соединяющего его с горами. И что-то подсказывало целительнице, что воитель прибудет домой лишь завтра на рассвете.

Но, разумеется, это были лишь знания, полученные от других. Возможно, Андрес доберется до гор гораздо быстрее. Сама Этна никогда не покидала леса, не имея на то возможности, пока не будет закончено ее обучение.

– Береги себя, хорошо? И непременно обратись к вашему целителю, чтобы избежать заражения и позже снять швы.

Глупо. Он бы не умер от заражения крови. Он бы вообще не умер. С такими ранами не живут. Но эти слова были небольшой заботой, чем реальным предостережением. Потому что для нее было важно показать, что суровый юноша с гор волнует ее так, как никогда никто не волновал.

– Разумеется. Тебе не за чем беспокоиться, – последовал безэмоциональный ответ, а глаза сверкнули медом, отразившись на солнце красивым цветом.

– Есть за чем, – она чуть улыбнулась, едва ощутимо касаясь чужой сильной руки. – Ну все, иди.

И он пошел. Не поблагодарив за помощь. Не попрощавшись. Но, впрочем, спустя пару размеренных шагов, уже оказавшись на мосту, Андерс обернулся, натываясь на удивленный взгляд.

– Зачем вы снимаете обувь?

– Э... Это наше правило. Мы не носим грязь из леса домой.

Он просто кивнул, разворачиваясь и уже почти что делая еще один шаг, как вдруг...

- Андерс...

- Да?

Воитель вновь повернулся к ней лицом, не понимая, в чем дело.

- Тебе не жарко в таких сапогах? Они же с подкладкой, а сейчас лето все-таки...

- В горах холодно. Это облегченные сапоги.

Она могла поклясться, что на миг воин улыбнулся. Но губы сурового горного человека не двинулись. Он развернулся и зашагал по мосту. Не благодаря за помощь. Не прощаясь.

Этна еще долго стояла и наблюдала за тем, как удаляется могучая фигура по деревянному мосту, прежде чем она полностью была поглощена серым туманом.

Глава 3

Этна, может, и мечтала однажды своими глазами увидеть чарующий Юг, но, как ни крути, а родной лес никогда не перестанет быть воистину чудесным и красивым. Что-то подсказывало ей, что таких красивых рассветов и закатов в другой части не увидеть. Молодой целительнице очень нравилось встречать и провожать каждый новый день. То, как три солнца по очереди, одно за другим, лениво выползали из-под линии горизонта, поднимаясь над могучими деревьями и освещая каждый уголок спящего леса было очаровательным. Прежде чем небо озарялось цветами, похожими на цветы просвирника и лапчатки, три светила золотили нежную листву и короткую траву, ярко сверкая в каплях росы и только после озаряли небосвод. А по вечерам, окрашиваясь вереском, три солнца скатывались за горизонт, теряясь в темных кронах и создавая причудливые тени между толстыми стволами, не пугая, но даря фантазии волю.

Встречая и провожая день, Этна искренне радовалась этому естественному ходу вещей. Наставница Калисто часто за это называла ее «ранней пташкой», а другие ученики, за глаза, считали странной. Зачем каждое утро просыпаться так рано, чтобы просто посмотреть на рассвет?

Вот и сегодня, встретив рассвет, она, одевшись в своей комнате, которая была чуть просторнее и уютнее палаты, на цыпочках покинула дом. Все сооружения целителей имели общее название – Дом Белой Волчицы, в честь Матери леса, но правильнее было бы называть так лишь центральное сооружение. Именно в нем располагались комнаты для больных, столовая, читальня с рукописными книгами и, конечно же, комнаты самих целителей. Центральный дом был самым большим из всех, пожалуй.

Дом, где спала Этна, был ученическим. Там были спальни, учебный класс и небольшое помещение для самостоятельных занятий. Помимо этих домов и кладовой был еще один небольшой дом. В нем под присмотром одного из наставников жили дети целителей. Не достигнув возраста обучения они могли изучать лишь основы письма или свою историю, размышляя о том, какое из двух направлений в будущем они захотят изучать. Юная целительница тоже жила там и прекрасно помнила, как весело было играть с другими детьми, когда они еще не осознавали, что она не вписывается в их восприятие жизни. В то беззаботное время никто не косился на ее шрамы с подозрением и не интересовался, где ее родители. Тогда абсолютно всех волновало, кто будет водой в догоняшках и будут ли они скучать друг по другу, когда придет время расстаться.

Целительнице было не просто выбрать, кем бы она хотела быть. С одной стороны, ей было интересно делать мази из трав и цветов, лечить царапины и наглядно видеть результат проделанной работы. Но с другой... С другой были шаманы в масках волков, чарующее песнопение, гулкие удары в бубен и неизведанное путешествие по невидимому телу любого человека – душе. Оба занятия были интересны, но в конце выбор пал на целительство. Любопытство никуда не делось и на первых парах маленькая девочка убегала в другую часть леса, наблюдая за шаманами, иногда задавая вопросы, а чаще удирая, когда те злились. Конечно, в шутку, но это она поняла лишь много лет спустя.

Сейчас, летом, даже по утрам было безумно тепло, но, несмотря на это, Этна все равно надела любимые свободные штаны цвета ореха, простую рубаху на тон

светлее и легкую накидку с капюшоном под цвет самого леса. Последняя защищала не только от жарких обеденных лучей светил, но также от разнообразных насекомых. Не забыв про свои перчатки, перед уходом она захватила корзинку для трав, куда спрятала еду с ужина и покинула Дом. У целителей не было определенных одежд, четко указывающих на их место в иерархии. Все носили схожие одеяния оттенков леса, которая не стесняла движений и была удобна для любых занятий.

Целительница крайне редко присутствовала на завтраке со всеми остальными, поэтому питалась тем, что оставалось после ужина и в гордом одиночестве. Так было в разы спокойней и уютней, чем в шумном обеденном зале. К тому же, сразу после завтрака при ранних лучах она сможет заняться сбором ягод – Калисто сообщила, какие запасы необходимо пополнить, чтобы обновить имеющиеся старые мази. После этого ученица целительницы будет свободна и сможет отправиться на зов таинственных песнопений, а также к своей подруге, точнее ее можно было так назвать с большой натяжкой в виду определенных причин... Заодно пополнит запасы шаманов овощами, а те, в свою очередь, дадут молочных продуктов. У них была парочка коз, так что еда северян все же не состояла из одной растительности.

Далеко от Дома, в глубине леса, где журчал ручей, у Этны было любимое место: небольшая полянка с парочкой пеньков, на которых удобно было располагаться и завтракать. К тому же именно в этом месте кроны деревьев были реже, пропуская в разы больше солнечных лучей, прогревая землю и сверкая в голубой воде. Устроившись на одном из пеньков, поросшим мхом, целительница устроила свою корзинку на соседнем, вынимая оттуда кусок постного хлеба, сыр, который готовили шаманы и помидоры из собственного огорода. Крайне скромный завтрак, но главное ведь было насытиться. После еды она выпила немного прохладной воды из ручья. К тому моменту три светила уже заняли свое законное место на небосводе, а птицы, певшие до этого скромно, стали звучать громче, перекрикиваясь в каждом уголке леса.

Обычно собирать целебные запасы по одиночке не ходили. Но Этне, предпочитающей одиночество, так было спокойней. За сбором посылали

зачастую учеников, которые могли бы контролировать действия друг друга, но наставница девушки была уверена в ней, как в самой себе и лишь по этой причине позволяла делать эту работу в одиночестве. Ученица целительницы никогда не приносила плохих трав или испорченных ягод, ее запасы всегда были отобраны и сложены аккуратными стопками в корзине.

Вот и сейчас она несла домой корзинку, полную ягод можжевельника – крупных, матовых и довольно плотных. Они занимали одну треть корзинки, а другую ее часть занимали липкие, но пахучие соты меда, аккуратно уложенные на пергамент. Ягоды можжевельника целители применяли для избавления от боли в животе и успокоения нервов, а соты меда, сами по себе обладающие немалой целебной силой, применяли не только против заражения ран, но и при других недугах. И первое, и второе было довольно непросто найти и собрать. Пришлось потратить не один час, но результат был безупречным и Этна даже, на удивление, не покусали дикие пчелы, будто знали, что этот человек не причинит им никакого вреда, возьмет немного от их кропотливого труда и с миром уйдет.

Жизнь на поляне вокруг Дома буквально кипела, когда молодая целительница вернулась из леса. Маленькие дети играли в догоняшки, задорно смеясь. Голоса близнецов были слышны из-за строений, подсказывая, что они сейчас заняты на огороде. На просторных деревянных лавочках расположились старшие целители, греясь под приятными солнцами и о чем-то негромко беседуя. Рядом с ними расположились целители, которые вели наставническую деятельность, переговариваясь со старшими в этой непринужденной атмосфере. Один из старших целителей заметил Этну и жестом подозвал ее к себе, прекращая разговор с остальными. Велес был седовласым мужчиной со строгим лицом, покрытым множеством морщин. Но, несмотря на это первое и обманчивое впечатление, он был очень добрым и всегда мог утешить любого, кто нуждался в этом. Его темно-зеленые одежды необычно сочетались с выцветшими серо-голубыми глазами, придавая выражению лица мудрости. Зеленый плащ лежал на коленях старейшины, прикрывая ноги.

– Вернулась наконец? С ребятами-то веселей на сборы ходить.

Подойдя ближе Этна сложила ладони руной, прижимая ту к груди и кивая всем целителям, сжимая в руке свою корзинку. Собравшиеся ответили тем же.

– Мне и так хорошо, Велес. Одной спокойней, да и сбор проходит хорошо, – мягко улыбнулась мужчине и в качестве доказательства продемонстрировала

содержимое плетеной корзинки. Ягоды, будто на подбор, аккуратно лежали на своей половине, а кусочки сот – на своей. Создавалось впечатление, будто содержимое только-только положили на плетенное дно, а не несли какое-то время по неровной земле леса.

– Как всегда, девочка. Калисто должна просто гордиться такой ученицей, как ты, – пожилой целитель заглянул в корзинку, не без удовольствия рассматривая можжевельник с сотами меда. Остальные целители тоже взглянули на работу Этны, одобрительно кивая и положительно отзываясь об увиденном. Ученица целительницы едва заметно улыбнулась, заправив прядь густых волос за ухо, чувствуя и легкое смущение, и радость от похвалы.

– А я и горжусь, Велес. Этна лучшая среди всех и самая трудолюбивая, – отозвалась Калисто, поймав на себе взгляды других наставников, которые если и хотели возразить, то не могли. Как ни крути, а Этна и правда была самой старательной и трудолюбивой среди всех будущих целителей. – Можешь идти в учебный класс, я скоро приду. Обновим старые запасы и будешь свободна.

Ученица целительницы кивнула, разворачиваясь и направляясь к центральному Дому. Сидящие неподалеку на теплой траве Амос и Августа проводили ее насмешливыми взглядами. И без того было ясно, что они слышали чужую похвалу, и она им не понравилась. Этна, привыкшая к этому, сделала вид, будто не замечает этих острых взглядов, ранящих не хуже меча. Еще одна причина, по которой ее не любят другие ученики. Странная с самого рождения. Некрасивая. Тихая. Трудолюбивая. Лучшая среди них. Наверное, она бы тоже завидовала, если бы была на их месте. Вот только сейчас это просто задевало. Но приходилось справляться со своими чувствами, пряча их глубоко внутри. Не хотелось показывать зубы из-за того, к чему давно успела приспособиться.

– Самая лучшая среди всех и самая трудолюбивая, – негромко, но так, чтобы ее наверняка услышала Этна, прошептала Августа, презрительно скривив губы.

– По крайней мере, мы знаем своих родителей, – фыркнул Амос, и зеленоглазая целительница рассмеялась так, будто ее друг отлично пошутил.

Услышав это, ученица целительницы сжала челюсти, ускоряя шаг, чтобы скрыться в спасительном Доме. Она не была остра на язык, чтобы вступать в словесные баталии. Зато могла уделать парочку реальными знаниями и

практическими умениями, в очередной раз доказав, кто здесь лучшая ученица... Хотелось бы ей самой знать, кто ее родители и по какому праву они отказались от нее, зная, насколько ценна в этом мире жизнь.

Направляясь в класс для занятий, Этне как никогда сильно хотелось, чтобы они с Калисто поскорее со всем управились, ведь тогда она сможет уйти к шаманам и навестить девушку, путающую дружбу с чувством жалости. Та всегда знала, как успокоить молодую целительницу и не чуралась ее шрамов или просто не показывала этого, жалея ее участь. Этна была не единственной, кто занималась проведыванием. Другие ученики тоже периодически приходили к шаманам, ведь среди них жили их родители. Исключением являлась лишь Августа – ее отец был целителем при трех правителях, а мать была хозяйкой небольшой лечебной лавки там же на Юге. Конечно, она не могла, как жители севера, полностью лечить людей, но могла оказать им небольшую помощь, в которой они нуждались.

В Доме было значительно тише, чем вчера в обед. Большинство его обитателей находились на улице, если судить о почти что пустующем ящике для обуви. Однако, пара сапог там все же была: чья-то взрослая пара, аккуратно стоящая на полке и три пары сапог поменьше, стоящие весьма безалаберно по соседству друг с другом. Значит, взрослый целитель и три непоседы. Снимая обувь, Этна даже услышала где-то в глубине дома чьи-то голоса.

Учебный класс пустовал. Тюль, подобный тому, что висел в столовой, колыхался на слабом ветерке, играя с солнечными пятнами на полу. Каждое из окон в комнате было распахнуто, позволяя в полной мере насладиться лесным пейзажам. В центре класса находился круглый дубовый стол, вокруг которого стояли шесть стульев с высокими спинками. Позади стола был шкаф во всю стену, полный разных увесистых книг вперемешку с разнообразными склянками и подписанными баночками. Больше в комнате не было ничего. Ничего такого, что могло бы отвлечь от занятий.

Поставив свою корзинку на стол, молодая целительница выглянула в окно, которое выходило на лес, лежащий за территорией их Дома. Невольно вспомнила про Андерса, подумав о том, что тот, должно быть, сейчас уже идет по своему мосту, направляясь напрямик в горы, домой. Какова вероятность их повторной встречи? Слишком мала. Но, даже если Жизнь и подарит им еще одну встречу, то ни к чему она все равно не приведет, у них нет будущего. А жаль. Ей ведь искренне понравился этот молчаливый молодой человек, не чурющийся ее

уродства.

Отойдя от окна, Этна подошла к другому, что выходило на сторону небольшого огорода, позади Дома. Темная земля была начисто очищена от травы и аккуратно располосована на двадцать ровных грядок. Овощей, занимающих огород, было вполне достаточно для того, чтобы прокормиться всему лесному народу и сделать запасы на зиму. Валериан и Виола копались в земле, убирая сорняки, о чем-то переговариваясь и отшучиваясь. Рядом стояло деревянное ведро, полное воды и когда девушка что-то сказала насмешливым тоном ее сиблинг, долго не раздумывая, окунул ладонь в воду и обрызгал сестру, вызвав у той бурное негодование.

Ученица целительницы поспешно отвернулась от окна. Ей нравилось наблюдать за близнецами, за их крепкими отношениями, несмотря на то, что те не высказывали к ней теплых чувств, но и не издевались откровенно, как это делала влюбленная парочка. Хотелось бы и ей иметь родную душу под боком. Знать, что есть родной человек, с которым можно посмеяться и подшучиться, которому можно доверить все, что...

– Они не стоят того, чтобы ты грустила, – в учебный класс, словно порыв летнего ветра, вошла Калисто, обращая два чутких водоема глаз на свою подопечную. За этой чуткостью улавливалась скрытая грусть, но отчего было не ясно.

– Знаю. Но иногда я тоже хочу иметь кого-то близкого. Кого-то, кто будет частью меня.

– У тебя ведь есть Аурейя, и вы неплохо ладите, м? – ловко сменив тему, наставница ободряюще улыбнулась Этне, упомянув ее почти что подругу, будто и не поняв того, что сейчас речь шла про семью. Та кивнула, улыбнувшись. Как будто сочувствующая шаманка могла исправить положение и заменить кого-то более близкого своим присутствием. – А пока у нас есть с тобой работа...

И с этими словами Калисто разложила на столе припасы из своего свертка, которые принесла из кладовой. Достав ступки, пестики и емкости две северянки устроились за столом, начиная свою неторопливую работу. Оставаясь наедине со своей ученицей, старшая целительница меняла свой колкий нрав на мягкий. И, несмотря на то, что между этими двумя разница в возрасте составляла немногим пятнадцать лет, наставница всегда проявляла к своей подопечной

материнскую заботу и любовь. Никто из наставников не находился в подобных доверительных отношениях со своими учениками, как эта парочка. Можно было подумать, что одну из них что-то гложит, если бы не очевидный факт – безродность другой.

Руки Этны уверенно измельчали в ступке ягоды, мед и травы, превращая их в однородную смесь насыщенного лилового оттенка с вкраплениями мелких частиц основных ингредиентов, которые не удалось растолочь. Калисто занималась той же работой, контролируя чужие действия и иногда комментируя их работу, напоминая, что и в каких количествах следует добавлять. Хоть она и сама прекрасно знала, что эти слова были лишними, все равно считала, что следует повторить материал. Ведь, как ни крути, а приближался день испытания, когда будут проверяться знания всех учеников и следовало потихоньку к нему готовиться. И именно поэтому сейчас они обе пополняли запасы.

– Итак, расскажи, для чего мы все это применяем, – целительница кивнула на три открытые банки и одну склянку, поднимаясь на ноги, чтобы размять спину после проделанной работы.

Ученица целительницы осталась сидеть на месте, позволив себе упереться спиной в высокую спинку. Глаза сначала скользнули по банкам: густая каша лилового цвета, золотистая однородная смесь и зеленовато-желтая мазь, и только после она взглянула на склянку с жидкой смесью.

– Мазь на основе ягод можжевельника необходима для устранения воспалительных и инфекционных процессов, – Этна указала на первую баночку, прежде чем прикоснулась пальцем ко второй: – Смесь на основе меда нужно будет позже доделать – довести до нужной консистенции на огне, но вообще она необходима, чтобы избавиться от зуда, укусов насекомых, еще можно использовать для заживления небольших порезов.

Калисто согласно кивнула, беря две банки и закрывая их, отставляя в сторонку и оставляя стоять еще два приготовленных лекарства перед ученицей.

– Мазь из арники применяется при ушибах, а сок из ягод лимонника, который, кстати, тоже необходимо прокипятить на огне, положительно влияет на желудок. Еще его можно принимать как афродизиак, – она взяла склянку с

соком, похожим на разбавленную кровь, прежде чем слегка встряхнуть ее, наблюдая, как жидкость стекает вниз по стенкам.

– Отлично, Этна, ты просто чудо, – наставница расплылась в улыбке, закрывая третью баночку и убирая все припасы в корзинку девушки, оставляя на столе лишь грязные емкости. – Если ты приберешься здесь, то я сама закончу с мазью и соком, а ты сможешь пойти к Аурее. И не забудь прихватить овощей для шаманов, поняла?

Меньше, чем через полчаса молодая целительница уже шла знакомой тропой к жилищу шаманов. Сжимая в руке корзинку, полную овощей, она предвкушала встречу с Ауреей. Конечно, ее нельзя было назвать подругой наверняка, но и зла шаманка ей тоже не желала, в отличие от сверстников, а это уже не так плохо. Очень хотелось услышать искреннюю радость после неприязни соучеников от своей ровесницы и пообщаться с ней, не испытывая чувства вины и стыда. А еще можно будет понаблюдать за шаманами и за их таинственными методами исцеления, если, конечно, у них есть гости.

Песнопение и музыка, что далеким эхом разносились между деревьев, отскакивая от стволов, не всегда были знаками исцеляющей деятельности. Зачастую, ученики с наставниками могли попросту оттачивать эти умения, чтобы уметь лучше разбираться и работать с астральным телом и душой.

Чем ближе подходила к жилищу шаманов, тем громче слышались их бессловесные беседы: гортанные и тягучие звуки, стекающие по шаманскому бубну со специальными отверстиями для эхо-эффекта; размеренные удары пальцами по мембране инструмента, перекликающиеся с песней первого бубна; мощное песнопение на языке таинств, который ей самой никогда не постичь. Все эти звуки сплетались между собой в единое целое, создавая размеренную и чарующую мелодию, от которой можно было легко забыться. Благо, Этна не позволяла себе замереть, чтобы проникнуться музыкой и только это помогало ей не впасть в транс.

Когда музыка зазвучала в полную силу, ученица целительницы наконец достигла широкой поляны, спрятанной за деревьями, где и находилось жилище шаманов. Окруженное палатками, место для жилища казалось слишком маленьким, однако это было ошибочным мнением. Палатки, построенные из толстых веток и обтянутые сшитыми между собой шкурами умерших животных, выглядели весьма просторно, хотя внутри там наверняка обитал вечный сумрак.

Возле каждой палатки лежали стопки хвороста, который разжигали по ночам. Две палатки, которые были значительно меньше основных, стояли без хвороста и с открытыми полами из шкур. В них также было сумрачно, а из одной из них и вовсе можно было слышать редкое бляенье.

Посреди поляны, образуя круг, сидели сами шаманы. Их одеяние мало чем отличалось от привычных одежд целителей, но одно отличие все же было и выглядело оно довольно необычно, если не сказать пугающе. Маски в виде волчьей морды, закрывающие половину лица. Красиво расписанные масляными красками, они были изготовлены из дерева, раскрашенного точь-в-точь как волосы их владельца. Черный нос, казалось, мог учуять любой запах, а острые неподвижные уши – услышать любой звук. А вот глаза в прорезях были закрыты, что добавляло напряжения к внешнему виду.

Этна не стала заходить на поляну, замерев на ее краю, не в силах оторвать глаз от ритуального пения.

Один из шаманов с рыжей бородой, скрестив под собой ноги, чуть раскачивался, издавая глубокие гортанные звуки. Игреновая маска сливалась с волосами, плавно переходя в мягкую бороду, делая лицо своего владельца суровым. Он был полностью поглощен пением, точно попадая в ритм музыки, похожий сейчас на огромный гриб-лисичку, а его одежды цвета полыни красиво разбавляли образ. На против него сидел юноша, чья маска была черного цвета, сливаясь с длинными волнистыми прядями волос, в которые были вплетены перья лесных птиц. Он сидел на коленях, держа в руках бубен за специальные крепления из толстых нитей, создающих странную паутину на одной стороне. Сторона с мембраной имела схематичные рисунки, рассказывающие историю появления Матери леса. Длинные пальцы другой руки отстукивали ритм по инструменту, двигаясь плавно, точно рассчитывая силу каждого удара. Широкие рукава рубахи цвета молодой хвои развевались от его движений, будто стебли цветов от ветра. Замыкающей треугольник из играющих музыку, была девушка, которая устроила бубен побольше на своем плече, придерживая его рукой. Он имел такую же толстую паутину с одной стороны, открывая лабиринт из отверстий и туго натянутую шкуру зверька в качестве мембраны. Она издавала тягучие тянущиеся звуки прямо в бубен, а тот отзывался эхом, разнося их в разные концы леса. Иногда ее изящные пальцы отстукивали дробь по другой стороне инструмента, а голова чуть качалась из стороны в сторону, и только темная маска не позволяла множеству тонких косичек надолго задержаться на лице. На ней было простое платье горчичного цвета с открытой шеей и такой длины, что

запросто полностью прикрывало ее ноги.

Остальные шаманы и ученики сидели по обе стороны от играющих в расслабленных позах, издавая звуки с закрытыми ртами, дополняя пустоты в бессловесной песне. В этот миг они все будто были связаны незримой нитью, особой связью, позволяющей им всем быть на одной волне.

Внезапно рыжебородый шаман перестал издавать гортанные звуки. В тот же миг смолкли и бубны, а следом притихли и остальные участники песни. Все, как один, они открыли глаза, устремив их сквозь прорези в масках на пришедшую гостью.

Заслушавшись чарующей и родной мелодией, молодая целительница вмиг отмерла, замечая на себе взгляды присутствующих. Почти все смотрели на нее с сочувствием. Однако две пары глаз выражали другие эмоции. Рыжебородый шаман смотрел лукаво, а девушка с косичками – приветливо.

Поставив корзинку в траву, она свела указательные и большие пальцы, прислоня ладони к груди и склоняя голову. Шаманы поздоровались в ответ, прежде чем почти все из них начали расходиться, будто кто-то дал им немую команду.

– Давно к нам не заходила любопытная целительница, – мужчина, похожий на огромный гриб-лисичку, задрал маску, оставляя ее на своей голове и черты его лица стали мягкими, более не скрывааемые за мордой хищника. Девушка последовала примеру старшего шамана, прежде чем отложила свой инструмент в сторонку, приближаясь к целительнице и заключая ее в теплые объятия, вызывая улыбку. В такие моменты Этна забывала про то, какой природы были эти чувства и старалась верить в их искренность.

– И правда, Этна, ты очень давно к нам не приходила, – мягко укорила ее шаманка, прекращая объятия, но не переставая тепло улыбаться. Ее платье и впрямь было очень длинным – из-под его подола даже не виднелись сапоги, хотя целительница знала наверняка, что они есть.

– Была занята на твою беду, Аурея. Хотя и не думаю, что Ингвальд был очень огорчен моим отсутствием, – фыркнула Этна, на что получила смешок от мужчины. Поднявшись на ноги, тот приблизился к девушкам, поднимая корзинку

с травы, не без удовольствия смотря на овощную провизию.

– Я всегда рад заставить тебя побегать, любопытная ученица.

На этих словах троица коротко рассмеялась, вспугнув птиц, сидевших на ближайших ветках деревьев. Каждый из них помнил то время, когда любопытная маленькая девочка с лисьими глазами приходила в гости к шаманам, задавая им такое огромное количество вопросов, что приходилось напускать на себя самый грозный вид, чтобы прервать этот интерес. Последний, к слову говоря, всегда перетекал в бегство. И если девушек, каждую по-своему, пугал и вид, и реакция на него, то шамана всегда веселил. И лишь со временем они обе поняли, какими глупышками были в детстве.

– Ладно уж, воркуйте. Пойду сменю содержимое твоей корзинки.

И с этими словами Ингвальд широким шагом направился к палатке поменьше, откуда с новой силой начало доноситься бляенье.

Аурея, взяв целительницу под руку, потащила ее подальше от своего дома. Еще одно отличие в жилищах северян: у одних из них не было никакого личного пространства. Так что во избежание ненужных ушей пришлось отойти подальше, устраиваясь прямо на теплой лесной земле. Вдалеке, среди просветов между деревьями, виднелся иссохший исполинский дуб. В воздухе витал ощутимый затхлый аромат топи. Болото. По земле, клубясь будто змея, полз слабый туман со стороны, пропахшей мертвым.

Этне стало не по себе. Она сжала руку Ауреи крепче. Всегда было не по себе именно здесь.

– Не бойся. Ты же знаешь, что хозяин болота бессилен сейчас, – ласково проговорила шаманка, без слов поняв чужой страх. Сама она не испытывала его, успев привыкнуть к подобной близости. Пока не испытывала. Но стоит наступить дню летнего Лунностояния и у нее тоже появится страх. Шутка ли – жить рядом с чудовищем, зная, что именно в это время он очень силен и может выйти на охоту...

– Меня больше утешает то, что нас хранит Волчица, – Этна пожалала плечами, нехотя отпустив чужую руку. Желая перевести тему и отвлечься от раздумий

про болотника, она заправила густые волосы за ухо, обращая черные очи на Аурею: – Вчера к нам приходил воитель. Я его лечила и все было как обычно, если не считать того, что после он сказал, что ему нравятся мои шрамы... Что это украшение самой Гёдземы и... когда мы пришли на обед, Амос решил меня поддеть. Он спросил у него про мои шрамы, а тот ответил, что они нравятся ему, представляешь?

То, что мучило ее со вчерашнего дня, вылилось коротким рассказом, всколыхнув внутри то самое тепло, которое своей защитой ей подарил Андерс. Молодая целительница отвела глаза, устремляя их на стволы, что были в поле ее видимости, намеренно избегая исполинского дуба впереди. Аурея выглядела задумчивой, но не расстроенной. В глубине небесных глаз плескалось счастье, которое шаманка боялась вылить на нее, прекрасно зная отношение той к своим шрамам.

– Хорошо, что он поставил на место Амоса, давно пора было, – протянула она, усмехнувшись, не сводя глаз с целительницы, а точнее с ее шрамов. Один едва не лишил девушку правого глаза, другой перечеркивал полные губы. Остальные занимали хаотичные места по всей светлой коже, замирая на переносице, щеках, лбу и под левым глазом. Ужасное зрелище. Которое не пугало шаманку. – А насчет этого воителя... мне кажется, он положил на тебя глаз, Этна.

– Не дури, он ничего не чувствует. Я вчера зашивала его рану, а он...

– Фу-у, не говори мне об этом, – Аурея передернула плечами, чем вызвала невольный смешок у Этны. – Правда, не надо. Ты же знаешь, что я не люблю все эти ваши штуки...

– Тогда, во имя Белой Волчицы, не носи чепухи. Он просто встал на мою сторону, потому что ему понравилось это уродство. Воитель выполнил свое прямое назначение – защитил меня... – она покачала головой, сохраняя на губах легкую улыбку от прошедшей реакции брезгливости Ауреи. Все же хорошо хоть иногда позабыть о том, как почти все к ней относятся и по душам поговорить хотя бы с той, кто не чурается ее.

– В любом случае это доказывает то, что ты не ужасна.

– Это был единственный воитель, который прокомментировал мои шрамы.

- Значит остальные – слепые увальни.

- Думаешь?

- Знаю.

И они обе засмеялись, прижимаясь друг к другу плечами. Напряжение, переплетенное со страхом в воздухе сходило на нет. И даже запах болота, находящегося поблизости, будто стал менее невыносимым.

- У вас уже идет подготовка к испытанию? – Аурея устремила пронзительные глаза на Этну, поправив маску на своей голове, которая надумывала поменять положение на лоб.

- Да, но не так активно, как у вас. Пополняем запасы, Калисто проверяет мои знания теории, – целительница пожала плечами, не выказывая никакого беспокойства на тему дня, когда будут проверять знания всех учеников, чтобы посвятить их в полноправные целители и шаманы.

- Повезло вам. А мы каждый день упорно занимаемся, никто не дает даже маленькой поблажки. Тайя пару дней назад ушла в другие стороны, будет искать нам людей с покалеченным астральным телом, чтобы мы на деле доказали свои способности, – ученица шаманки вздохнула, с головой выдав свое беспокойство. Молодая целительница положила руку на ее плечо, сжимая то пальцами в перчатке.

- Я уверена, что ты со всем справишься. Ты так невероятно пела. Одно только это пение способно убрать любой изъян, – она искренне улыбнулась, поймав ответную улыбку. – К тому же, лечить других легче, чем своих наставников, ты не находишь?

- Вы что, будете лечить своих? – небесные глаза неверующе округлились, а тонкие косы выпали из-за ушей, водопадом обрамляя худое лицо. Их обладательница стала поспешно возвращать волосы на место, задерживаясь пальцами на ребристых косах.

– Случайно услышала пару дней назад, как наставники шептались на эту тему. Выбирали, какие травмы будут, – кивнула целительница, едва сдерживая улыбку при виде чужого удивленного лица. – Слишком серьезных, вроде переломов, не будет, но от этого не легче. Мне кажется, что было бы проще, пригласи они тех же воителей на наше испытание, вот на ком точно можно практиковаться без ущерба самому себе...

– Я, конечно, догадывалась, что целители пикнутые на всю голову, но не до такой же степени, – шутя отозвалась шаманка, справившись со своим удивлением и ойкая, получая точный тычок между ребер.

– Эй, я вообще-то будущая целительница!

– Пикнутая целител... Ой!

Аурея вздрогнула, получив еще один тычок, за которым последовал смех Этны. И хоть она смеялась, но не прекращала попыток сделать грозное лицо, готовясь к еще одной атаке на многострадальные ребра шаманки, которая и не думала защищаться.

– Да я же любя, эй! К кому я еще смогу обратиться, если заболею или захочу понуть на любовной почве.

Этна замерла, поджав губы, видя, что до Ауреи стремительно доходит смысл сказанного. Это из жалости было произнесено или намеренно? Неважно. Она начинает запоздало извиняться, понимая, что зашла куда не следовало, но целительница прерывает ее взмахом руки.

– К любому целителю, разумеется.

Хотя, иногда, она все же могла себе позволить сострить и ответить грубо. Но только иногда. Пытаясь защититься и скрыть свои эмоции в отношении тех чувств, которые никогда не сможет испытать.

Прежде чем одна из них попыталась прервать неловкий момент, из-за деревьев показался юноша, играющий на бубне. Он, в отличие от Ауреи, был без черной маски, а его волнистые волосы мягко оформляли лицо, прикрывая точеные

скулы. Серые, будто небо перед грозой, глаза скользнули от целительницы к шаманке. На последней задержались дольше, чем следовало. Судя по его затянувшемуся молчанию, он слышал последнюю фразу. Не сложно было сделать вывод о том, что именно про него косвенно и упомянули в ней.

– Ингвальд собрал продуктов, – он протянул вперед корзинку, содержимое которой сменилось с овощей на молочную продукцию. Неловкость все еще витала в воздухе и коснулась шамана. Его пальцы потянулись к подбородку, почесывая его сквозь темную щетину, делающую его старше и красивее визуально.

– Спасибо, Констэнс, – Аурея уже почти что поднялась, чтобы забрать корзинку, но Этна была быстрее. Стремительно, словно лесной голубь, она поднялась на ноги, забирая припасы.

– Благодарю. Я пойду, пожалуй, – лицо невозмутимо, но губы поджаты, а черные глаза блуждают меж стволов. Констэнс пожал плечами, то ли говоря таким образом «пожалуйста», то ли выражая свое согласие на то, чтобы она ушла.

– Этна, я не хотела тебя обидеть. Правда, – шаманка тоже встала с земли, отряхивая платье от соринки, касаясь руки Этны, смешивая неловкость в воздухе со своей виной. Целительница кивнула, слабо улыбаясь, пальцами, скрытыми под перчаткой, касаясь голой кожи, прежде чем обойти Констэнса и направиться вглубь леса. Все ведь хорошо. Разве имеет она право злиться на чужое счастье, не имея своего? Нужно быть благодарной хотя бы за то, что Аурея общается с ней просто из чувства сострадания, ведь так?

– Она странная, – он нарушил тишину только тогда, когда чужие тихие шаги растворились в лесных звуках.

– Ей больно, – она оцетинилась, небесные глаза потемнели, стоило ей посмотреть на шамана. – Не ее вина в отсутствии родителей и наличие шрамов. Думаешь, ей очень хочется слышать все эти насмешки и видеть неприязнь в каждом взгляде? Ей тяжело переносить это бремя в одиночестве. Ей нужна поддержка. Странно, что ты этого не понимаешь.

Вздернув подбородок, Аурея обошла юношу, направляясь к их поляне, все еще сокрушаясь насчет неосторожных слов.

Глава 4

Как бы Этне не хотелось подольше побыть в лесу, зачарованно наблюдая за тремя проснувшимися светилами, нужно было возвращаться. Сегодня был подготовительный день перед предстоящим испытанием, и наставники наседали на своих учеников, пытаясь застать их врасплох самыми разными вопросами. Иногда отвечающие терялись, но с каждым таким новым вопросом их ответы звучали более уверенно и произносились почти сразу.

Сегодня занятия должны были проводить сразу все наставники. Обычно все ученики занимались каждый со своим наставником, иногда общие занятия мог проводить кто-то один из старших целителей. Но сегодня был слишком важный и серьезный день, не подходящий для обычных уроков.

С того момента как юная целительница ходила к шаманам солнца два раза восходили на горизонт и два раза уступали свое место трем лунам. За это время она успела много, о чем подумать. Переосмысливала произошедшую ситуацию, понимая, что была тысячу раз не права. Конечно, ей было обидно, что она не может состоять в отношениях, как подруга. Ведь ей хотелось этого. Искренне и от всего сердца. Хотелось, чтобы ее взгляды ловили также, как это делал Амос, стоило Августе повернуть голову в его сторону. Хотелось сплетаться в едином ритуале, ловя тонкие струны чужой души, подобно Аурее и Констэнсу. Кажется, одни лишь близнецы не были озабочены тем, чтобы в кого-нибудь влюбиться, погруженные подтруниванием друг над другом и другими.

Ступив на территорию Дома Волчицы, ученица целительницы вновь оказалась на пустой поляне, но теперь ее охватило беспокойство. Могла ли она не нарочно задержаться и заставить наставников и их учеников ждать ее? Или те еще сидели в общей столовой, доедая свой завтрак или она уже ужасно опоздала на урок. Но, судя по солнцам, последнее было маловероятным, хотя кто их знает...

Обходя Дом, она приблизилась к открытому окну столовой, слыша шум оттуда. Встав на цыпочки, осторожно заглянула внутрь, облегченно выдыхая. Внутри сидели все целители, ученики и дети, заканчивая свой сытный завтрак. Первые о

чем-то негромко переговаривались и, судя по тому, что они не хотели быть услышанными – об испытании. Парочка влюбленных, не отрывая друг от друга глаз, выглядели весьма мило и не ядовито сейчас, переговариваясь с сидящими напротив близнецами. Оба сиблингов лукаво улыбались в ответ, что-то отвечая, иногда пихая друг друга локтями, как обычно подшучивая. В отсутствие еще одной ученицы остальные молодые люди выглядели так, будто никогда и никого не могли и не хотели ранить острыми словами. Противно.

Спустя несколько минут Этна уже стягивала кожаные сапоги с ног, убирая их на место и направляясь к учебному классу. Как раз в этот миг компания учеников и шла по коридору, замечая, как в учебную комнату входит девушка, которая не заметила их. Они вошли почти что следом за ней, показывая приветственный знак, но, увы, вся их дружелюбность осталась в столовой. На лице девушки, похожей на березу, появилось привычное высокомерное выражение, а обладатель некрасиво-серых глаз взял свою подругу за руку, переплетая пальцы. Близнецы и вовсе пока делали вид, что не замечают Этну.

Ответив на приветствие, молодая целительница отошла к столу, снимая плащ и вешая его на спинку высокого стула, после отодвигая тот от стола и занимая свое место, прежде чем понимая, что что-то не так.

Валериан не выдержал первым, прыснув со смеху, не сводя лукавых глаз с девушки-сироты, которая приподнялась, касаясь пальцами своих испачканных штанов. Виола, стараясь быть хоть немного тактичной, засмеялась в кулак, упорно делая вид, что не причастна к липкому пятну на чужой заднице. Но, в конце концов, оба близнеца одинаково громко и не очень мелодично засмеялись. К этому моменту юная целительница уже стояла около стула, понимая, что села прямо в лужицу меда, который кто-то щедро налил на сиденье. Ну, не кто-то, а близнецы, если быть точнее.

– Хорошо, что я не такая везучая, как некоторые, – хмыкнула Августа, не без удовольствия наблюдая за тем, как Этна пытается убрать ладонью мед со стула, что не имело особого успеха.

– Я бы помог тебе переодеться, – хмыкнул Амос, отодвигая другой стул и проверяя его на наличие «подарка» от сиблингов. Когда последнего не обнаружилось, он с галантностью пня предложил Августе сесть, и та примостилась на сиденье, позволяя придвинуть стул ближе к столу.

– Ой, только давайте без этих ваших козлиных нежностей, – Виола закатила глаза, когда девушка на предложенную помощь потянулась и с характерным звуком поцеловала своего ненаглядного в щеку. Валериан, поддерживая сестру, удачно спародировал звук поцелуя, чем вызвал недовольный взгляд обоих молодых людей. – Этна, прости, я бы предпочла, чтобы другая задница испачкалась в меду.

– Охотно верю, – та вздохнула, торопливо покидая учебную комнату, чтобы спустя несколько минут вернуться с мокрым пятном на своих штанах и тряпкой в руках. Пришлось надеть плащ, чтобы скрыть расплывшееся пятно и с усердием начать оттирать свой стул от золотой липкости. Закончила Этна как раз к тому моменту, когда в комнату вошли пятеро наставников. Пришлось аккуратно свернуть тряпку и положить ее около ножек стула. Вернуть ее на кухню она катастрофически не успевала.

Первой, словно порыв летнего ветра, вошла Калисто. На этот раз волосы наставницы цвета древесной коры были заплетены в две косы, лежащие на ее плечах. Рубашка цвета молодой листвы была заправлена в свободную хлопковую юбку, подпоясанную кожаными шнурком.

Следом за ней проследовал молодой мужчина, выглядящий так, будто напуганный жеребец. Несмотря на это вечное выражение лица, он обладал весьма неплохими чертами: васильковые глаза в обрамлении густых ресниц, прямой нос и обветренные губы. Щеки и подбородок покрыты жестким коротким волосом. Пряди светло-медных волос вихрями лежали на голове, но почти не касались лба. Одежда Визериса была простой, состоящей из рубахи и штанов, но при этом не очень складно сидела на его фигуре.

Прямоком за испуганным жеребцом твердой поступью вошла низкая женщина, в чьих луговых глазах проглядывалась уверенность, распространяющаяся на все ее маленькое тело. Прямые светлые волосы были распущены, достигая самых лопаток, а губы были недовольно поджаты, будто она съела что-то ужасное на завтрак. Бурые штаны были подкатаны, ровно, как и рукава на рубашке, которая сидела слишком свободно на маленьком теле Зары.

Предпоследней в комнату прошла еще одна наставница, которая казалась великаншей по сравнению с Зарой. Круглое лицо обрамляли каштановые волосы, убранные в низкий густой хвост. Карие глаза изучающе прошлись по каждому из учеников, не задерживаясь ни на ком. Ее хлопковое платье хоть и было

свободного края, но все равно не скрывало округлых форм Алиссаны.

Замыкающим в этой цепочке был мужчина, чье лицо заметно тронули морщинки, а кожа была слишком смуглой, выделяясь на фоне остальных наставников. Его лицо было гладко выбрито, а короткие волосы тронула седина, похожая на первый снег. Бурый взгляд был серьезным, как будто ему предстоял непростой разговор. Крепкое тело было облачено в одежды темно-зеленых и древесных оттенков, а на больших пальцах его ступней просматривались волоски.

Наставники поприветствовали своих учеников, те ответили тем же, показывая соединенные указательные и большие пальцы, прижатые к груди и склоненные головы. Ни один из них не сел за стол, становясь около него полукругом, поглядывая на присутствующих. Калисто задержала свои водоемы на Этне, Визерис быстро посмотрел на Августу. Зара обменялась взглядом с Виолой, высокая Алиссана – с Амосом. Эйгон слишком серьезно посмотрел на своего ученика – Валериана.

– Завтра у вас, как вы могли догадаться, будет важный день. Испытание, которое покажет, чему вы научились за время обучения и достойны ли вы зваться целителями или целительницами, – проговорил Эйгон, обводя глазами каждого из сидящих. – И пусть не всем из вас есть девятнадцать лет, один из вас все же уже совершеннолетний.

В этот момент глаза старшего целителя взглянули на Амоса.

– Но даже после прохождения испытания вы не должны забывать о том, что до наступления совершеннолетия покидать Север вам нельзя, несмотря на то, что вы станете полноправными целителями. Однако, три солнца свидетели, вы сможете ступить на земли Юга, если начнется Испытание для Двора и придет гонец с официальным подтверждением. Только в этом случае и при вашем непосредственном желании можно покинуть Север.

Все ученики выглядели серьезными, слушая самого старшего из наставников. В Форланде совершеннолетие наступало на девятнадцатый год жизни. И именно в эти года сменялись его правители. Следуя традиции, новые монархи должны были выбрать себе новых личных камергеров и камеристок, иначе говоря – личных помощников, которым можно будет доверить не только свою жизнь, но и ее секреты. Такие люди не столько выполняли свою привычную работу, сколько

были почти что близкими друзьями короны, которм оказывалось высокое доверие. Предыдущие обладатели этой должности оставались при Дворе, но уже несли службу по своей специальности, что было менее напряжено, но не менее почетно.

Случалось, и такое, что камергеры и камеристки могли стать фаворитами правящих монархов и дать продолжение их роду, но такое случалось не слишком часто. И когда первое не происходило, могло выйти, что взятые на службу люди связывали себя узами брака с другими лицами, находящимися при Дворе. Как ни крути, а Отбор был желанным и выгодным событием для всех. Ну или почти всех. В конце Отбора оставались лишь пять человек, которых принимали в королевскую семью. Поэтому шанс пройти все испытания и победить был невелик. Многие молодые люди из-за этого считали Отбор бесполезным и трудным (хотя, возможно, они всего лишь были не самыми талантливыми среди прочих). Иные думали, что зря тратить свою жизнь на хранение чужих секретов, учитывая, что какую-то часть жизни они учились вообще другому.

В общем, мнения у всех были разными на этот счет, но несмотря на это, на коронации, предшествующей Отбору, всегда было много желающих поглазеть на три земных светила.

Этна, чье любопытство не гасло никогда, ободрилась, получив подтверждение того, что можно будет покинуть Север до наступления совершеннолетия. Впрочем, до этого дня было две недели, а когда будет проходить Отбор не знал никто. В любом случае ее не будет держать здесь ничего. Она сможет покинуть свой ветвистый дом и попытаться счастья на Юге, чтобы взглянуть на иную жизнь, отличную от ее. Сможет увидеть его мощенные улочки и высокие каменные дома. Сможет увидеть трех новых королев и, если будет достаточно умна, сможет стать одной из них камеристкой.

– ... головы этим и займемся более важными делами, – ученица целительницы моргнула пару раз, понимая, что ушла в свои мысли и не заметила, как слово взяла Зара, чьи губы теперь не были недовольно поджаты. – Завтра у вас не будет теории. Все свои знания вы продемонстрируете на практике и от этого будет зависеть конечный результат. Но сегодня мы проведем небольшой экзамен и заодно освежим память.

После этого Визерис и Эйгон взяли лавку, стоящую около стены и принесли ее к столу, ставя рядом. Та была достаточно широкой и длинной, поэтому все наставники без проблем смогли поместиться на ней. Они сидели чуть ниже, чем сами ученики, но это им не особо мешало, даже Заре, которой пришлось выпрямиться, но при этом из ее глаз не ушла прежняя уверенность и там не было ни единого намека на неудобство, связанное с ее ростом.

Дальше начались длинные часы повторения всего материала, который ученики успели выучить. Сначала вопросы задавались кому-то конкретному, иногда с подвохом, но после те стали адресоваться всем. Тогда ответы сыпались почти что вразнобой. Перебивая и повышая голоса, молодые целители спешили дать ответы, получая в ответ одобрение в глазах наставников или их недовольное качание головой.

Но это была лишь небольшая разминка. И относительно легкая. Ведь после Калисто покинула комнату на несколько секунд, чтобы вернуться с корзинкой, полной целебных припасов. И тогда по очереди каждому ученику завязывали глаза и заставляли угадывать то, что он достанет из корзинки, аргументируя это тем, что оказывать помощь может случиться в разных условиях, а целитель должен уметь делать это буквально с закрытыми глазами.

– Это... м... милостивая Мать... – Валериан морщил лоб, держа в пальцах тонкий бордовый стебель с резными зелеными листьями и мелкими круглыми соцветиями наверху, похожими на крохотные снежки. До этого он наощупь лизнул растение, понюхав его и теперь пытался вспомнить название. Наставники с непроницаемыми лицами ждали ответа, а вот ученики не без любопытства и нетерпения смотрели на товарища. Этна беззвучно шептала название. – Поскорник морщинистый!

Эйгон удовлетворенно кивнул головой на ответ своего ученика.

– Для чего применяется?

– Для выведения яда, особенно хорошо помогает при выведении змеиного яда, – ответил юноша, стягивая плотную повязку с глаз, отчего его темно-русые волосы непослушно растрепались по лбу. Следующей на очереди была его сестра, которая быстро водрузила повязку на свои глаза и нашарила рукой корзинку, стоящую на столе, прежде чем залезла в нее рукой, шаря среди содержимого.

Оцарапав руку, Виола шикнула, вытаскивая ветку с блестящими фиолетовыми ягодами. Ощупав ее, девушка улыбнулась, видимо, догадавшись, что именно сжимает в руке, но для пущей уверенности понюхала улов, прежде чем сорвала одну из ягод, отправляя ее в рот.

- Ежевика, - проговорила одна из близнецов, облизывая фиолетовые губы. - Обладает жаропонижающим свойством. Также применяется для утоления жажды при лихорадочном состоянии.

- Умница, - Зара наградила свою ученицу теплой улыбкой. - Августа, ты следующая.

Проделав те же операции, что и Виола, Августа выбрала коробочку мака, ощупывая ее и слегка встряхивая. Понюхав находку, та дала свой ответ:

- Мак. Из его сока можно делать болеутоляющее и успокаивающее средства...

Амос, желая помочь подруге, всхрипнул, за что получил сразу пять неодобрительных взглядов от наставников и стыдливо отвел глаза.

- А еще снотворное средство. Но это ядовитое растение, поэтому им не стоит злоупотреблять.

Когда Августа дополнила свой ответ, снимая повязку, Визерис быстро кивнул своей ученице. Следующим был Амос, который за свою помощь получил от подруги тепло-влюбленный взгляд. Валериан украдкой показал рвотный позыв, чем вызвал у сестры сдавленный смешок, от которого даже Этна украдкой улыбнулась.

- Это... запах выражен несильно... - юноша хмуро нюхал длинный шнурообразный стебель без корневища, которое, к слову, быстрее бы помогло определить растение. Листья были узкими и с острыми краями, а побеги растения имели форму продолговатых колосков. - Осока?

- Верно, Амос. Какими свойствами она обладает? - Алиссана внушила своим ответом уверенность в ученика, отчего его лоб расслабился, а на лице появились признаки узнавания.

– Отвар из осоки применяется при простуде и сильном кашле.

Когда очередь дошла до самой Этны, Амос с самым дружелюбным выражением лица кинул ей повязку в руки. Завязав плотную ткань на глазах, она скользнула рукой в перчатке в корзинку, благо, что ткань не сильно влияла на чувствительность, так что эта проверка не должна быть слишком сложной. В своих силах она была уверена.

Пальцы скользили от одних листьев к другим, касаясь стеблей и округлых ягод, а также твердых кусочков древесины. В конечном итоге она вытащила длинный стебель с пучком маленьких почек сверху (которые по цвету вполне оправдывали название растения в целом). Ее пальцы прошли по стеблю, касаясь листьев с зазубренными краями и наконец касаясь пучка почек. Поднеся растение к носу, Этна вдохнула запах, понимая, что тот отсутствует. Тогда она оторвала один листик, отправляя его в рот, разжевывая и кривя перечеркнутые шрамом губы от вяжущего вкуса. С трудом заставляя себя проглотить сырье, слыша тихие смешки, ученица целительницы облизала губы, все еще чувствуя во рту неприятный вкус.

– Это кровохлебка. Необходима, чтобы остановить кровь, – проговорила она, стягивая повязку с глаз и подтверждая свою догадку. Калисто не без улыбки взглянула на нее.

Разбирая оставшиеся лекарственные припасы из корзинки, каждый ученик называл целебные свойства растения или ягоды и проговаривал, каким образом это применяется. Это была еще одна небольшая легкая разминка, как все успели понять и догадаться, прежде чем они приступят к усложненной части. К той, которую не будет возможности проверить на завтрашнем испытании.

Небольшая передышка длилась от силы пару минут, пока в корзинку складывались все припасы, а саму ее в конце оставили на подоконнике около открытого окна. После Алиссана разложила на столе бинты, деревянные палки, служившие шинами и прочие необходимые вещи. Переломы, вывихи, растяжения и прочие подобные травмы были единственными, чего не будет на проходящем испытании, так как нужен будет наглядный и своевременный результат, а не тот, которому для проявления будет необходимо время. Но эти знания были важными, как и прочие и потому тоже нуждались в проверке.

Визерис попросил каждого из учеников назвать числа от одного до пяти и раздал соответствующие числам травмы. Затем поставил Амоса и Виолу в пару, чтобы первый продемонстрировал свои умения и знания на второй, у которой был ушиб. Как чуть позже уточнила близнец – у нее был ушиб руки.

Кратко рассказав про саму травму, юноша наложил на «пострадавшую» руку давящую повязку, делая все аккуратно и медленно, хотя судя по кривляниям Виолы ей все равно было нестерпимо «больно». Закончив, Амос добавил, что для уменьшения боли можно приложить холод к пострадавшему месту.

Когда близнец освободилась, а сказанные комментарии от наставников были услышаны и приняты к сведению, Визерис поставил ей в пару Августу, у которой был разрыв связок суставов. Не тратя время на болтовню, Виола приступила к «лечению», попутно рассказывая про данную травму. Ее руки двигались в разы медленнее рук юноши, но все делали верно. Пострадавшая в это время сидела с таким выражением лица, будто у нее был не разрыв связок, а приступ скуки. Когда тугая повязка, фиксирующая сустав локтя, была наложена, близнец сделала вид, что положила холодный компресс сверху, прокомментировав свое действие.

Окончив представление и выслушав наставников, девушка помогла Августе снять тугую повязку и к той подошел Валериан, у которого был вывих плеча. Следуя примеру своего возлюбленного, девушка кратко рассказала про травму, прежде чем наглядно и крайне аккуратно продемонстрировала, как необходимо вправить кость в нормальное положение. Следуя примеру своей сестры, второй близнец морщился от мнимой боли и даже позволил себе выругаться для правдоподобности, чем заслужил строгое замечание от Калисто. После «вправления» кости, Августа наложил давящую повязку, сказав, что нужно держать руку в покое не меньше недели.

Освободившись от бинтов, Валериан на Этне стал рассказывать про отличия растяжения от разрыва. После небольшого рассказа он, подобно сестре, но немного быстрее, наложил тугую повязку на ее голень, заслужив несколько комментариев, которые указывали на имеющиеся ошибки.

Этне, которая завершала эту проверку, достался Амос и перелом ноги. Некрасиво-серые глаза все время смотрели на девушку, тая насмешку, пока та демонстрировала свои знания в этой области, а после помогала юноше сесть на стул и приступая к «лечению». Комментируя каждое свое действие, ученица

целительницы наложила деревянную шину, плотно и туго фиксируя ее к ноге, проговаривая, в течении какого времени будет происходить сращивание кости и какие меры нужно соблюдать самому Амосу. Получив наставления от старших целителей, Этна уже хотела было помочь юноше избавиться от шины, но тот весьма резко оттолкнул ее руку от себя, подарив очень дружелюбную улыбку, больше походившую на оскал дикого зверя.

Такое поведение было замечено всеми присутствующими, однако никто не сделал юноше замечания в открытую. Сама Этна и вовсе предпочла сделать вид, что ничего не заметила.

Прервавшись лишь на обеденный перерыв, после него ученики с новой силой взялись за теоретический экзамен, хотя, по правде говоря, у всех пятерых уже гудели головы от вспомнившихся знаний и названий трав. Если наставники тоже устали от проверки знаний, то хорошо это скрывали за непроницаемыми лицами, продолжая мучить своих подопечных, указывая на их ошибки и проговаривая верные ответы.

Только тогда, когда три солнца стали медленно стекать к горизонту, будто ручей в море, пятеро учеников были отпущены на свободу. Получив наставление хорошо выспаться и отдохнуть перед завтрашним днем, старшие целители удалились к себе. Как предполагали все остальные – чтобы провести подготовку перед завтрашним испытанием.

Близнецы, о чем-то негромко переговариваясь, вышли из Дома, чтобы направиться в свой. Будут ли они блаженно валяться в кроватях или засядут в маленькой читальне еще не было решено. Надменная парочка расположилась на крыльце ученического дома, слившись в змеиных объятиях друг друга. Этна же прошла мимо них, направляясь к деревянной арке, за которой ее ждал мрачнейший лес. Пятно на штанах, которое удалось оттереть водой, пропало с ткани, так что нужды в их смене не было. А посему сирота отправилась напрямик в объятия высоких деревьев. Только там она сможет передохнуть и освежить голову, которая успела разболеться от усердного последнего урока.

Только подумать. Сегодня и правда был ее последний урок в роли ученицы. Завтра, как только серьезное испытание останется за ее спиной, Этна станет полноправной целительницей. Сможет спать вместе с другими целителями в Доме, сидеть с ними за одним столом и вести одни и те же беседы. А спустя пятнадцать дней, когда ей исполнится заветные девятнадцать лет, она сможет покинуть Север, чтобы взглянуть на другие стороны и других людей. На морское побережье Запада с его лагуной, из которой, по преданиям, и ступили на землю Жизнь и Смерть. На холодные горы Востока, куда пришла Гёдзема, подарившая своему народу священное искусство боя иковки металла. На никогда не спящий Юг, олицетворяющий единение и людей, которые вольны выбирать свое ремесло самостоятельно, по призыву сердца, а не по природе рождения. Белая Волчица, как же ей хотелось увидеть своими глазами все эти стороны...

Знакомые тропы вывели юную целительницу к ручью, который размеренно журчал, перекликаясь с цокотом насекомых и слабого пения птиц. Вдали уже не слышалась музыка шаманов, подсказывая, что те уже тоже, вероятно, закончили свою подготовку. Верхушки высоких деревьев по очереди касались угасающие солнца, золотя их кроны и откидывая на землю длинные тени. Усевшись прямо на траву, Этна вытянула ноги, касаясь руками травы, прежде чем снять перчатки и напрямую прикоснуться пальцами к зелени, чувствуя, как та слабо колется. Вереница бледных и слабо выпуклых шрамов тянулась от кончиков пальцев к ее кистям, запястьям и исчезала под одеждой, переплетаясь, будто паутина.

Где-то вдалеке послышался приглушенный волчий вой, которому вторил другой. Она даже не вздрогнула, лишь обратила взор в сторону, откуда слышались звуки. Бояться волков не было никакого смысла, учитывая, кем была их Покровительница.

По легенде нынешняя Мать леса когда-то была обычной девушкой, жившей на Юге еще тогда, когда Смерть не разозлилась на людей. Во время эпидемии ужасной болезни вся ее семья погибла, ведь ей некому было помочь, искусство врачевания в то время было развито весьма слабо. Тогда храбрая девушка приняла решение отправиться в непреступные леса, находившиеся на Севере, чтобы просить помощи у волков, которые были в этом деле более сведущи, нежели люди, чтобы ничья более семья не пострадала. Волчья стая не хотела принимать чужачку, так еще и в обличье человека. Чтобы заслужить доверие хищников чужеземке пришлось отказаться от своих одежд, променяв их на шкуры животных, которых она убивала голыми руками и чье сырое мясо

поглощала, чтобы поддерживать в себе силы. Восхищенные чужим упорством, серые хищники приняли чужачку в свою стаю, поделившись знаниями исцеления. К тому моменту она уже не помнила, как ходить на двух ногах, а ее тело покрывал длинный плащ из шкур убитых зверей, связанных между собой. А когда вожак стаи покинул мир из-за старости, то выбрал девушку в свои преемницы. Та, обезглавив старого вожака, приделала его голову к своему плащу, делаясь еще больше похожей на хищницу, чем раньше. Обращаясь в зверя при помощи шкур, подпитываемых силой земли леса, ее шерсть белела, а от черт лица не оставалось ничего человеческого, даже глаза приобретали оттенок луны и светились, будто зажженные свечи.

Прознав про то, что на Севере появилась та, кто могла иметь облик и человека, и хищницы, залечивая любые раны и избавляя от любых болезней, люди стали приходить к ней за помощью и ново принятая Волчица, прозванная Матерью леса, никому не отказывала. Так молва о ней распространилась по всему Форланду.

У этой легенды мог бы быть хороший конец, если бы однажды к Белой Волчице не пришел юноша, который влюбился в дикую целительницу. Та, проникшись к искренним речам и нежным прикосновениям, вспылала ответными чувствами. К тому же, он был единственным, кто не пугался ее обращений в хищницу. Юноша остался жить рядом с Матерью, учась у нее искусству врачевания и помогая всем, кто бы не пришел на территорию леса. И все было бы хорошо, если бы Волчица не узнала, что ее возлюбленный замышлял о предательстве, плененный силой ее обращения. Желая забрать ее, он вознамерился убить целительницу, но та была начеку.

В наказание за это Волчица гнала человека до самого лесного озера, возле которого рос исполинский дуб. Там, у воды, она сидела на берегу, скаля клыки и не позволяя юноше выйти из воды, которая под его ногами чернела и тухла, пока спустя несколько лун не обратила все озеро в болото. Ноги человека разбухли, приклеившись к илистому дну и тот уже не мог покинуть своей темницы, так и оставшись там. С тех самых пор Белая Волчица не доверяла никому из пришедших, но в помощи не отказывала.

А болотник так и остался узником своей темницы и лишь в день Летнего Лунностояния, скопив силы, он находил силы выползти из болота и отправиться на охоту, ведомый своей неутолимой жадной мести. В этот день северяне предпочитают сидеть дома, вешая над входом волчьей ягоды как оберег. Никто

не знает, жива ли Белая Волчица до сих пор, но в том, что кто-то или что-то охраняет земли леса по сей день сомнений не было.

Поэтому Этна и не боялась волков, живущих здесь, но не мешающих людям, ровно, как и те не мешали хищникам. Кто знает, вдруг среди этого воя был клич самой Матери.

К тому моменту, как будущая целительница ступила на территорию Дома Белой Волчицы три луны уже висели на темном полотне, усыпанном россыпью звезд. Где-то вдалеке небо окрасилось в лиловый цвет, больше похожий на синяк, если честно. Верхушки деревьев были облачены во мрак, их тени лежали на земле словно покрывало, укрывая траву и маленьких зверьков, прячущихся от острых взглядов ночных хищников. К слову, хоть Покровительница Севера и была девушкой кровожадной, ее последователи придерживались иного взгляда на этот мир, считая зверей братьями своими меньшими и не употребляя их в пищу. Они могли помочь им, вылечить в меру возможностей или, чтобы существо не мучилось, проводить на другой свет, но в пищу не употребляли. И только в случае естественной смерти (госпожа Смерть не обозлилась на ни в чем не повинных зверьков) забирали их мех и шкуры, используя в своем быту.

Крыльцо ученического дома уже пустовало, а в окнах трех комнатах мелькали огни свечей. В основном строении тоже горел свет, правда не везде. В доме малышей было темно – те уже давно легли спать. Ну или сделали вид, что легли.

Понимая, что это ее последняя ночь, Этна поднялась по крыльцу, отворяя дверь и оказываясь в маленьких сенях. Сняв обувь и довольствуясь светом, что лился из окон, она убрала ту на место и тихо прошла по коридору до своей комнаты, где был сумрак.

Оставляя три пятна на деревянных половицах, в широкое окно заглядывали три ночных светила. Возле стены стояла удобная кровать, аккуратно застеленная покрывалом орехового цвета, а в ее изножье – большой сундук с красивым орнаментом, где хранилась одежда. Напротив кровати стоял туалетный столик с круглым зеркалом и тазом для умывания. Деревянный кувшин был полон воды, а лежащее полотенце – очень мягким и приятным к коже. Украшений у Этны не было, не считая деревянных сережек, хотя она видела, как россыпью те лежали на поверхности столика у Виолы и Августы. Пусть те и были простыми, но

выглядели очень красиво и девушки часто надевали их, красиво сочетая друг с другом.

Закрыв за собой дверь, молодая целительница не стала зажигать свечу, умываясь и меняя одежду на ночную сорочку, а после забираясь под прохладное одеяло, закрывая глаза. Последняя ночь в комнате, где прошла вся ее сознательная жизнь. Комната, где она выросла. Комната, которую она покидала каждое утро ни свет, ни заря. Будет ли она скучать по ней? Безусловно. Радовал ли ее новый этап и проживание вместе с другими целителями? Разумеется.

Это утро началось иначе, чем другие. Этна распахнула глаза до того, как три светила сменили своих небесных сестер. Но вскакивать с кровати и собираться она не спешила. Лежала, обдумывая, как пройдет этот день. Знала, что скоро придет кто-то из наставников, чтобы разбудить их. Завтрак пройдет раньше, чем обычно, а после него они все приступят к испытанию. И когда оно успешно пройдет, вечером устроят совместный с шаманами праздник. Но до вечера нужно было еще дожить.

Как только солнца начали потихоньку скользить вверх по персиковому небосводу, озаряя его, будущая целительница услышала, как кто-то открыл входную дверь, копошась на пороге и только после направляясь по коридору к их закрытым комнатам. Послышался стук, звук открываемой двери и голос Зары, которая со всей любезностью будила учеников. Пока наставница добралась до двери Этны, та уже успела встать и заправить свою постель. Женщина благосклонно кивнула ей, когда заглянула в комнату и оставила дверь приоткрытой.

- Сбор на завтрак через десять минут, ученики. И попросу без опозданий!

А затем послышались удаляющиеся твердые шаги, шорох в сенях и звук закрывающейся двери.

Будущая целительница, не теряя времени, быстро умылась прохладной водой из кувшина, вытирая свое лицо, мельком заглядывая в зеркало. Взяв со столика простой деревянный гребень, она расчесала черные волосы. В другой день она оставила бы их распущенными или заправила бы за уши, чтобы хоть немного прикрыть некрасивое лицо. Но сегодня ей захотелось разнообразить свой внешний вид. Вооружившись двумя кожаными шнурками, Этна разделила волосы на две части, заплетая густые косы, которые после связала вместе сзади. Получилась простая, но вполне элегантная прическа. И не нужно будет морочиться с волосами перед вечером, когда начнется праздник.

Переодеваясь, молодая целительница остановила свой выбор на свободных штанах цвета умбры и подпоясанной желто-коричневой рубахи, прикрывающей шею, но не давя на нее. Скрыв руки под легкими перчатками, она взглянула на себя в зеркало, оценивая внешний вид, а после покидая свою комнату, слыша шум собирающихся учеников.

Спустя десять минут в столовой собрались пятеро будущих целителей и Зара, которая их разбудила. Усевшись за стол, накрытый завтраком, который состоял из хлеба (видно, Тайя, которая вернулась на Север, принесла хлеб с Юга), сыра, масла, меда и сладкого настоя из цветов, ученики вперили взгляд на старшую целительницу. Столовая непривычно пустовала и с одной стороны это даже было немного жутко. Малышня еще наверняка крепко спала в своих кроватях, а вот другие целители уже заканчивали последние приготовления перед испытанием.

- Еще раз доброе утро, - проговорила Зара, ласково смотря на присутствующих молодых людей и слегка улыбаясь. Несмотря на такую рань наставница не выглядела заспанной. Часть ее светлых волос была собрана в хвост, а другая послушными прядями лежала на плечах. В ушах были перья лесных птиц, которые она использовала в качестве серег, а на шее - вырезанная из дерева лунница. Одежда, как всегда на размер больше, чем нужно, была спокойного зеленого оттенка и состояла из юбки и рубашки.

Все глаза молодых людей устремились на наставницу, нескладно скандируя «Доброе утро». Все ожидали ее слов, даже не притрагиваясь к своему завтраку. Все были напряжены и взволнованы. Это ясно ощущалось в подрагивающем воздухе. Казалось, от волнения в пустую столовую даже не проникал ветер.

– После завтрака вы отправитесь на испытание. Каждый из вас выберет одну из дверей, за которой уже будет ждать два человека. Ваша задача будет состоять в том, чтобы исцелить их, используя свои знания. Как только вы поможете второму человеку, тот пригласит в вашу комнату еще троих. Справившись с заданием, оставьте после себя чистоту и порядок и выходите в коридор. После этого у вас будет время передохнуть, пока наставники будут проверять сделанную вами работу. Вечером будут оглашены все результаты, если будут интересовать, какие ошибки были допущены, то обратитесь за этой информацией к своим наставникам. Также, если будут несогласные с результатами, то обратитесь к своим наставникам для разрешения ситуации, – объяснив условия прохождения испытания, Зара приступила к своему завтраку, храня молчание до самого его конца.

Сами ученики тоже молчали, обдумывая сказанные слова. Все было просто и предельно понятно. Пятеро людей, которым нужно будет оказать помощь. Загвоздка была лишь в том, что среди целителей и шаманов не набралось бы такого количества людей, учитывая, что последние сегодня тоже заняты своим испытанием. А это означало, что Тайя привела на Север не только людей для испытания шаманов, но и для целителей. Что ж, тем интересней, разве нет?

Когда тихий завтрак подошел к концу, ученики неровным строем двинулись в левое крыло. Этот коридор был шире прочих, поэтому там вполне хватало места для всех, в том числе и для Велеса, ожидающего учеников. Мудрые выцветшие глаза внимательно прошлись по каждому из пришедших, морщинистые руки сложились в приветственный знак, когда с ним поздоровались. Одежды старейшины были все тех же темно-зеленых цветов, рубаха перетекала в штаны, размывая фигуру старика и лишь его подрагивающие ступни давали понять, каких усилий Велесу стоит стоять на ногах.

– Да пребудет с вами мудрость нашей Матери, ученики. Валериан, выбирай дверь, – старейшина взглянул на одного из близнецов, без лишних предисловий начиная испытание. Пять закрытых дверей. Двадцать пять людей, которым нужна помощь. Пять учеников, стоящих на пороге перехода к тому, чтобы зваться «целителями».

Валериан подошел к третьей двери, открывая ее и исчезая в палате.

– Виола, ты следующая.

Девушка выбрала вторую дверь, видимо, даже во время испытания не горя желанием быть далеко от брата, заходя в выбранную комнату.

- Августа, давай.

Похожая на молодую березку, Августа выбрала первую дверь, на миг оглядываясь, чтобы подарить очередной нежный взгляд Амосу, прежде чем скрыться в палате.

- Этна, давай.

Будущая целительница кивнула, немного взволнованно и быстро взглянув на старейшину, натываясь на его поддерживающий взгляд и зашла в последнюю дверь, слыша, как Амос заходит в соседнюю палату.

В палате почти ничего не изменилось, не считая стула, который поставили специально для второго человека, в то время как первый сидел на кровати. Точнее, первая. Это была пожилая женщина, одетая в бурое платье с красивой алой вышивкой на вороте, пышных рукавах и подоле. Этна сразу догадалась, что это шаманка, хотя прежде они так близко не пересекались. Сидящий на стуле юноша был одет в красивый камзол бронзового цвета и темные штаны, заправленные в высокие сапоги. Такую одежду она видела впервые, предполагая, что перед ней юноша с Юга. Но, не позволив себе отвлечься, будущая целительница безмолвно поздоровалась с людьми и принялась за работу.

Женщина, тщательно скрывавшая свое отношение к чужим шрамам, сидела спокойно, но при этом ее глаза, окруженные морщинками, пристально наблюдали за ней. А вот юноша в первые мгновения был поражен, перестав даже тереть свои красные глаза, скривив красивое лицо, хмуря густые брови, прежде чем все же удосужиться взять себя в руки и вернуть лицу спокойное выражение.

Как выяснилось, у шаманки болела голова (не будем размышлять о том, намеренно ли она довела себя до головной боли или это было удачное стечение обстоятельств), поэтому целительница, порывшись в заветной тумбе, стоявшей под тазом с кувшином, нашла пузырек с настойкой из пиретрума девичьего, ромашки и мяты, открывая тот и выливая жидкость светло-зеленого цвета в

небольшую пиалу. Вернувшись к пожилой женщине, Этна протянула ей пиалу, велев дать ей буквально пару секунд. За эти пару секунд ее пальцы успели прикоснуться и надавить на участок кожи между бровями, лишь после разрешая шаманке опустошить пиалу. Эффект от действий не будет мгновенным, но минут пятнадцати должно было с лихвой хватить, чтобы головная боль прошла.

Отойдя к юноше и пообщавшись с ним, выяснила, что тот страдает от зуда в глазах, который появился по прибытию на Север. Не исключая того, что это мог быть признак аллергии, связанный с насекомыми, юная целительница отошла к тазу с водой, снимая свои перчатки, моя руки, прежде чем вооружиться смоченным куском ткани, возвращаясь к южанину и аккуратно промывая его зеленые глаза, прежде чем вернуться к тумбе, чтобы взять настойку, состоящую чисто из ромашки, сделать компресс и вернуться к юноше, накладывая его, сообщая, что так нужно посидеть несколько минут.

Чувствуя на себе совиный взгляд шаманки, Этна обернулась к ней, кидая беглый взгляд на пустую пиалу. Она уже давно догадалась, что женщину попросили оценить ее работу не только по тому, пройдет ли голова, но и по другим признакам, ведь от юноши по итогу многого не узнать, учитывая, что тот не посвящен во все тонкости испытания.

– Вам уже лучше? – обратилась Этна к северянке, смотря прямо в ее глаза.

– Вполне, – кивнула та, выдерживая взгляд и не спуская глаза к шрамам.

Спустя минут семь, убрав компресс с глаз южанина, будущая целительница отметила, что покраснение ушло, да и сам пострадавший ответил, что ему в разы лучше. Поэтому спустя мгновение пожилая женщина и молодой человек покинули комнату. Это было просто. Вроде бы. Или Этна слишком хорошо знала свое дело, или дальше ее ждали трое людей, у которых будет что-то посерьезней раздражения глаз и головной боли.

Не успела Этна убрать пиалу и настойки, как в комнату вошли две девушки. Одна из них, похожая на дикий цветок, была одета в облегающее платье с открытой шеей и рукавами-фонариками из ткани, которую целительница не смогла определить. Но она была такого нежно-персикового цвета, что вмиг захотелось прикоснуться к ней хоть одним пальцем. Волосы незнакомки были заплетены в косу, на шее висела цепочка с подвесом, а в ушах – маленькие

серьги. Она была босой, но Этна была готова поклясться, что у незнакомки должна быть такая же нежная и красивая обувь.

Вторая девушка была полной противоположностью дикого цветка. Похожая на бурю, она носила кожаные штаны и подпоясанную молочную рубашу, которая скрывала ее крепкое телосложение. Глаза девушки были подведены чем-то серым, делая их грозными.

Первая гостья, пришедшая с Юга, устроилась на кровати, вторая, пришедшая с гор, заняла место на стуле. И обе вперили любопытные глаза в целительницу. Дикий цветок отвела свой взгляд спустя секунду, разочарованно вздохнув. Буря изучала каждый шрам на чужом лице, не зная, чувствует ли она отвращение или восхищение.

Заминка, длившаяся, пока троица рассматривала друг друга, быстро прошла, когда Этна опомнилась, подходя к южанке. Та, без лишних расспросов, пожаловалась на пчелиный укус. К слову, надо отдать ей должное – стоически терпеть боль от укуса с жалом в ладони смогла бы не каждая.

Будущая целительница вновь отошла к тумбочке, вооружившись всем, чем было необходимо, прежде чем вернуться к южанке, стараясь лишний раз не смотреть на ее великолепное платье, ощущая дикое желание примерить его хоть на минуту. Устроившись рядом с пострадавшей на кровати, она взяла ее ладонь, беря в другую руку заранее обработанный пинцет, сделанный умелыми руками горных кузнецов. Предупредив о том, что будет больно, со всей аккуратностью извлекла жало из нежной кожи, отчего дикий цветок вздрогнула, сдавленно выдохнув. Продезинфицировав ранку соком одуванчика, она приложила сверху лист мать-и-мачехи, которая должна была снять отек и боль.

Оставив девушку сидеть, Этна отошла к восточной гостье, гадая, является ли та воительницей или ковальщицей. А еще гадая, знакома ли та с Андерсом и если да, то как его рана. Так много вопросов. Ни одного ответа. Стоило той показать руку с ожогом, как все стало понятно. Сердце этой девушки было чутким и чувствующим, как и ее собственное. А вот мозолистые руки ясно давали понять, что девушка работает с металлом.

С этим недугом помог справиться обычный мед. Нанеся золотую сладость на красную кожу, целительница закрепила ту повязкой. Процесс заживления будет

долгим, но, по крайней мере, мед снимет болевые ощущения и уберет воспаление, не дав возможному волдырю образоваться на коже.

Следом за двумя непохожими друг на друга девушками, которые покинули комнату, вошел юноша, чья походка была неровной, а на бледной, почти что светящейся коже шее виднелись два симметричных шрама. Острые черты лица придавали ему схожесть с акулой. Светлые, почти что выцветшие волосы, беспорядочными волнами лежали на голове. Голубые глаза, светлеющие к радужке, смотрели внимательно и... древне? Он был достаточно высоким и крепким, с широкими плечами и сильными руками. И, кажется, на пару лет старше самой Этны.

Дверь закрылась, но юноша и девушка еще несколько секунд взирали друг на друга. По коже целительницы прошла дрожь, а сама она, с трудом оторвав черные глаза от гостя, показала ему рукой на кровать. Тот едва заметно кивнул, проходя, куда было указано и сядя на смятое покрывало. Тишина стала почти что звенящей.

– Что беспокоит? – почти что выдохнула Этна, чувствуя странное ощущение внутри себя, но не понимая, было ли то связано с тем, что испытание уже шло не первый час или со странным юношей.

– Небольшая царапина.

С этими словами гость снял с себя рубашку песочного оттенка с короткими рукавами, аккуратно кладя ее рядом с собой. На его шее болталась обычная веревочка, на которую были нанизаны ракушки, жемчуг и мелкие, омытые солеными водами, камушками. Под рубашкой оказалось сильное тело с проступающими мускулами и красиво очерченным прессом. Ярко выделяясь на бледной коже на плече красовалась неровная длинная и свежая царапина.

– Вы... пришли с Запада? – любопытство было сложно сдержать. Пришлось отвернуться, отходя к тумбе, зная, чем можно исправить алый изъян на идеальной коже.

Невольно вновь вспомнился Андерс. Его тело. Рельефное, высеченное усердными тренировками. Но бледное тело, представшее перед ее взором сейчас было совершенно иным, пусть и тоже сильным. Оно было похоже на тонкую работу

мастера, который каждую мышцу и мускул со всей изящностью сотворил и соединил в единое искусство. Слишком невероятное для ее глаз. Чарующее.

– А разве Вам можно разговаривать не по делу во время испытания? – голубые глаза насмешливо посмотрели на нее, когда она обернулась, сминая полные губы, отчего шрамы на лице перекошились.

– Я... Простите...

– С Запада.

Незнакомец позволил себе исказить бледные губы в лукавой улыбке, следя светлыми глазами за каждым действием целительницы. Теперь стало ясно, почему у него акульки черты лица, бледная кожа, мускулистое тело и шрамы на шее. Это шрамы от жабр. Перед ней в человеческом обличье предстал русал, а как было известно, от их перевоплощений остаются шрамы. Да и в целом, насколько было известно, это был не самый приятный и легкий процесс.

– Так заметно, да?

– Есть немного.

Этна слабо улыбнулась, избегая лукавой улыбки незнакомца. Царапина не нуждалась в зашивании, поэтому, сев для удобства на кровать, она обработала порез, накладывая сверху целебную мазь, а после пряча ее под повязкой. И все это время светлые глаза, похожие на саму древность, следили за ней. За каждым аккуратным движением. За каждым вздохом. Изучали каждый шрам. Перечеркивая губы. Едва не оставивший без правого глаза. Прошедшийся по переносице. По лбу. Щекам. Тянущийся по пальцам тонкой паутиной. Каждый шрам.

Глаза на миг сузились, губы поджалась. Но лишь на миг. Она не заметила.

– Тяжелый у Вас сегодня день, а? – он взглянул на свое перемотанное плечо, поднимая взгляд на целительницу.

– А Вам разве разрешено говорить со мной не по деду во время испытания? – запоздало парировала Этна, поднимаясь с кровати и унося к тазу использованные материалы.

Русал бархатно засмеялся, а его светлые глаза сверкнули. По достоинству оценив колкий ответ, он стал одеваться, все еще тихо посмеиваясь, заставляя и саму Этну улыбаться.

– По правде говоря, нет. Просто стало жалко Вас.

– Не переживайте. Вы последний в моем испытании.

– Что ж, благодарю за помощь и искренне желаю Вам удачи.

И с этими словами русал быстрой, пусть и шаткой походкой, покинул палату.

Быстро наведя порядок в комнате, Этна покинула ее, замечая множество других людей, заполнивших проход. Старшие целители о чем-то негромко переговаривались с людьми, пришедшими специально для испытания. Их было такое множество и все выглядели по-разному, будто чудной букет полевых цветов. Заметив, как из другой комнаты вышел Валериан, дожидаясь сестру, будущая целительница поняла, что не одна она уже справилась со своей задачей.

– Ну, как все прошло? – будто порыв летнего ветра, к ней подошла Калисто, мягко приобнимая за плечи.

– Это ты мне лучше скажи, – отозвалась Этна, глядя на наставницу, зная, что той уже кое-что известно. По крайней мере, о части испытания так точно.

– Позже, – усмехнулась женщина, хитро глядя на свою ученицу, подтверждая ее догадку о своем знании, но пока не собираясь им делиться. – Топай отдыхать, после обеда будет сбор, там все и узнаешь.

И не дав задать себе ни единого вопроса, Калисто отошла от девушки. Та тихо и недовольно фыркнула. Заметив в толпе, стоящей около целителей, бледного русала, который лучезарно ей улыбнулся, Этна ответила ему той же улыбкой,

стараясь не думать о том, как некрасиво искажилось ее лицо из-за шрамов и о том, что, наверное, улыбка вышла кошмарной в целом.

Развернувшись, она покинула душный и шумный коридор, быстро натягивая обувь в сенях и выходя на улицу, делая большой глоток свежего воздуха. Три ярких светила, опалая землю, высоко висели в небе. Осталось ждать. Причем весьма терпеливо.

Глава 5

Звуки и запахи кухни разносились по всему Дому, наполняя его различными ароматами и голосами, которые, то смеялись, то ругались, когда кто-то ужасно косячил, если судить по доносящимся словам. Впрочем, это не помешало Этне и остальным перекусить перед ужином, отбиваясь от детей, что сновали туда-сюда. Некоторые из них пытались (ключевое слово) помогать с приготовлением праздничного ужина, остальные ненамеренно мешали бывшим ученикам, засыпая их огромным количеством вопросов, связанных с испытанием. Этна, по большей части, слушала чужие разговоры – дети относились к ней с опаской, и она не могла их винить за это. Впрочем, все же было за это немного обидно, учитывая, что сирота всячески старалась им или помогать по возможности, или просто быть дружелюбной.

Рассказы влюбленной парочки и сиблингов вызывали у детей восторженные высказывания и восторг на лицах. Как-никак, а им было уже по десять лет и через год им предстоит принять решение, с каким искусством врачевания им хотелось бы связать свою жизнь. Из рассказов бывших учеников выяснилось, что, помимо гостей с других частей Форланда, Августа помогла матери одного из шаманов, которая среди целителей не была наставницей; Амосу пришлось помогать своей тетке, а сиблингам и вовсе достались старейшины. В целом задания у всех были почти что схожи и не были особо сложными, хотя, разумеется, все переживали на этот счет, еще раз проговаривая друг другу порядок своих действий, чтобы убедиться, что ошибок не было.

После обеда молодая целительница тщетно попыталась занять себя тем, что предложила свою помощь в приготовлении праздничного ужина. В ответ ей

посоветовали отправиться отдохнуть, ведь негоже готовить для самой себя праздничные блюда. Справедливое, к слову, замечание. Однако, Этне от этого легче не стало. До вечера и оглашения результатов было еще так далеко, а занять себя нужно хоть чем-то, иначе часы ожидания будут тянутся невесть сколько.

Увы, но Этне пришлось до самого вечера просидеть на крыльце дома. Иногда она старалась отвлекаться на книгу, не связанную с целительством, которую взяла в читальне (ну да, не думали же вы, что там только нудные книжки, полные знаний), но это было сложно, учитывая, что по территории сначала ходили люди, задействованные в испытании, а после, поляну Дома Белой Волчицы стали всячески украшать к будущему торжеству. Спустя время к целителям присоединились шаманы, которые после короткой заминки в виде объятий и поцелуев, тоже принялись за работу. Правда, бывших учеников все равно не допустили к ней с помощью, да и будущих шаманов тоже не было видно, значит, им сказали ждать нужного часа, чтобы прийти, как и будущим целителям. Это было невыносимо.

На просторную поляну выносили столы из столовой, многочисленные лавки и готовили большой костер посередине. Из Дома на улицу сновали шаманы и целители, принося посуду и приборы, ставя свечи из пчелиного воска и маленькие вазочки с лесными цветами на стол, что-то постоянно поправляя и переставляя, желая сделать все идеально и безупречно. Поглощенные этой кутерьмой люди даже не заметили, как небо окрасилось в бледно-розовые цвета, а сами солнца спрятались за линию горизонта. И тогда из-за густых ветвей старых деревьев показались будущие шаманы.

Этна, которая к тому моменту прочла пару глав книги, так и не вникнув в суть прочитанного, подскочила на ноги и кинулась к Аурее, которая тоже заметила подругу и отбилась от своих ребят. Заключив друг друга в крепкие объятия, девушки лучезарно улыбнулись друг другу. Как ни крути, а она все же немного соскучилась по шаманке, по человеку, с которым можно искренне поговорить и почувствовать себя не сорняком, а цветком из полноценного букета. Все было так, будто они и не расстались в прошлый раз на острой ноте. Впрочем, кто прошлое помянет...

– Умираю со скуки, хорошо, что вы пришли, – целительница расплылась в улыбке, оглядывая Аурею, которая была в длинном пышном горчичном платье с

коротким рукавом. Множество ее темных косичек были собраны в высокий хвост. – Ну как все прошло? Выкладывай.

– Ты слишком любопытна, – миролюбиво отозвалась Аурея, рассматривая подругу в ответ, видя, что та искренне соскучилась и не злится на нее за неаккуратные слова. – Было немного сложно, если честно. Пришло два человека, южанин и воитель. Первому снились кошмары на продолжительной основе, а со вторым было еще труднее.

Шаманка помолчала, выдерживая паузу под внимательным черным взглядом Этны, прежде чем продолжить:

– Второй недавно прошел испытание, но, как выяснилось, до сих пор имел слабые отголоски чувств и эмоций, представляешь? Но это была не вина кузнеца, который проводил испытание, а самого воителя. Мне... немного сложно вдаваться в подробности и описывать происходящее, просто... м... его душа не перестроилась, так сказать, на это новое состояние. Но теперь он в норме, – проговорила Аурея, которой и правда нелегко было описывать то, что произошло с душой горного человека. – А как у тебя все прошло? Мучили своих ненаглядных наставников?

– Кстати говоря нет, не мучили. Точнее, мне из целителей никто не попался, только ваша шаманка, южане, ковальщица и русал, – Этна пожала плечами, прогоняя от себя мысли о том, как прошло испытание шаманки. – Ничего слишком сложного, как у тебя не было, что даже обидно немного. Хотя вдруг это просто я прокололась и теперь считаю, что все было легко.

– Перестань, уверена, что ты отлично справилась! – поморщилась Аурея, толкая целительницу в плечо. – Пойдем, все уже, кажется, начинают собираться.

И правда, на поляне стало болеелюдно, а все приготовления почти подошли к концу. Бывшие ученики, пока выдалась возможность, обнимались со своими родителями. Амос стоял рядом с мужчиной и женщиной, которые с любовью смотрели на сына и ласково приобнимали за плечи Августу, чьи родители работали на Юге и не смогли присутствовать на этом торжестве. Рядом с ними стояла и тетя юноши, воодушевленно что-то рассказывая. Мужчина с лукавой улыбкой, и женщина с темными непослушными волосами обнимали своих близнецов, что-то говоря им, отчего вся семья весело улыбалась.

Так странно было наблюдать за тем, что дети и родители проводили время вместе. И так странно было осознавать, что родители выбрали одну стезю, а их дети – другую. Но при этом на этот счет не было никаких разногласий.

– Ты скучаешь по своим? – спросила Этна, наблюдая за всеми собравшимися. Держала лицо спокойным и безэмоциональным. Ее родители тоже могли быть тут. Могли обнимать ее, поздравлять и шутить. Могли. Но по неведомым причинам отказались от нее, оставив одну с зияющей дырой на месте сердца.

– Разумеется. Надеюсь увидеться с мамой во время Отбора хоть мельком, отца-то и так смогу увидеть, – Аурея улыбнулась, отвечая честно. Даже ей, кажется, было немного грустно от того, что ее мать, служившая камеристкой, и отец, работающий пекарем, не могут присутствовать на празднике. И если ей было грустно, то каково тогда было Этне? – А что ты думаешь насчет Отбора, кстати говоря?

– Думаю, что иду с тобой пытаться счастья. Мое извечное любопытство никуда не делось и...

– Аурея!

К девушкам, сквозь толпу северян, протолкнулся высокий мужчина, а его ясно-голубые глаза с любовью и гордостью смотрели на шаманку. Его одежда была простой и без изысков, не позволяя понять истинный статус, а на плече висела дорожная сумка. Подойдя к девушкам, он поздоровался с теми, сложив пальцы и склонив голову, прежде чем заключил улыбающуюся дочь в объятия.

– Отец! – шаманка искренне и широко улыбалась, обнимая отца, утыкаясь лицом в его крепкое плечо, оставляя Этну с улыбкой наблюдать за воссоединением семьи. Насколько она знала, мать подруги в свое время отправилась на Отбор, будучи шаманкой, и успешно прошла его, став камеристкой. Вот только в отличие от многих людей, которым оказала доверие королевская семья, она не вышла замуж за знатного южанина при Дворе, влюбившись в обычного пекаря, который готовил хлеб специально для правящих королей. Родив ребенка, мать Ауреи не покинула своего поста, так что ее мужу пришлось взять на себя всю ответственность за дочь и лишь через год отвести ту на Север, чтобы она воспитывалась как ее мать. – Я не ожидала тебя здесь увидеть. Как ты узнал, что сегодня было испытание?

– Это было не сложно, учитывая, что ваши ходили и искали себе добровольцев, – мужчина усмехнулся, наконец выпуская дочь из объятий и окидывая ее любящим взглядом. – Пришел, как смог. Мама в курсе, что я тут и передает тебе привет.

– Спасибо. С ней мы тоже скоро встретимся, я ведь собираюсь участвовать в Отборе.

– О как. Ну я передам ей. А ты, Этна? Будешь пытаться счастья? – ясный взор обратился на девушку, задерживаясь на ее темных глазах.

– Разумеется, Юлий, – сдержанно ответила будущая целительница, изогнув губы в слабой улыбке. Отец подруги ей всегда нравился. Он также, как и его дочь, хорошо относился к ней, не взирая на странное происхождение и паутину шрамов. Впрочем, вдруг его хорошее отношение – это просто замаскированная жалость? Не хотелось думать об этом в такой торжественный день.

– Ну и правильно. Уверен, тебе понравится Юг, – Юлий искренне улыбнулся, наслышанный про чужое бескрайнее любопытство и слабо сжал плечо девушки. – Рассказывайте, как прошли испытания?

Ответ на этот вопрос так и не прозвучал, ведь именно в этот миг чей-то зычный голос попросил, чтобы все заняли места за накрытыми столами и тишины. Говорившим оказался Эйгон, обводя своими серьезными глазами всех собравшихся северян, которые поспешили послушаться его. Наконец приблизилась самая долгожданная часть этого угасающего дня.

Все поспешили занять места на широких лавках. Целители мешались с шаманами, дети со взрослыми, а бывшие ученики – с наставниками. Юлий с девушками заняли свое место за одним из столов, которые стояли полукругом вокруг костра, который уже успели разжечь. Теперь его языки тянулись высоко вверх, сверкая и даря не только свет, но и тепло. Возле жаркого огня стояли Велес и Леона – старейшины целителей и шаманов, которые должны были огласить итоги испытания. Все взгляды вперились на самых пожилых северян. Любопытство витало в воздухе, которое успело достичь своего предела за этот день.

– Наконец можно начать самую долгожданную часть этого дня, – полушутя-полуворчливо начала старая шаманка, щербато улыбаясь. С разных уголков слышались приглушенные смешки. – Я, если вам интересно, на ногах с самого рассвета и, видит Мать, как сильно я устала. Поэтому не вижу смысла томить и вас.

– Ты как всегда весьма обаятельна, Леона, – Велес мягко улыбнулся, обратив взор выцветших глаз на шаманку. – Но я согласен, как бы там ни было. Одно могу сказать: я безмерно горд, что дождался этого дня и что мне выпала честь посвятить наших учеников в полноправных целителей и целительниц. Августа, Амос, Этна, Валериан и Виола, подойдите ко мне.

Названные ученики покинули свои места. Леона отошла в сторонку, чтобы дать бывшим ученикам выстроиться в шеренгу перед всеми присутствующими. На их лица отбрасывались тени от большого костра, а глаза сияли от волнения и радости. Все они смотрели на своих близких и дорогих людей, а их молодые сердца гулко, но радостно стучали за ребрами.

– Ученики, вы все весьма успешно справились с поставленной перед вами задачей, продемонстрировав не только теоретические знания, но и практические, – торжественно проговорил Велес, встав лицом к молодым людям, каждого одаривая гордым взглядом и ласковой улыбкой. – Поэтому теперь вы все имеете полное право называться целителями и целительницами.

К старейшине подошла Калисто, держа в руках пышные венки, сплетенные из цветов, листьев и веток ягод. Первый она отдала целителю и тот водрузил его на склоненную голову подошедшей Августы, проговорив слова благодарности Матери. Слышались аплодисменты, после которых девушка с улыбкой проговорила свою клятву, прежде чем уступила свое место возлюбленному.

Когда очередь дошла до Этны, она с трепетом и улыбкой склонила голову перед старым целителем, ощутив, как листья и веточки цепляются за волосы, но при этом венок очень крепко сидел на ее голове и был не таким тяжелым, каким казался поначалу. Подняв голову, она встретилась глазами с Велесом.

– Благодарю тебя, Мать леса, за то, что наставляешь руки этой целительницы. Впредь не покидай ее души, наставляя своими безмолвными советами и даруй ей мудрость во время лечения.

– Клянусь Белой Волчицей использовать свои знания лишь на благо просящих помощи и ни в коем разе во вред им. Клянусь быть мудрой и благоразумной, аккуратной и терпеливой, как и сама наша Мать. Откуда пришла ты, туда и вернемся мы. Твой зов – наша воля. Твои знания – наша сила. Истоки твои – наша мудрость. Куда поведешь ты, туда и пойдём мы.

Проговорив молитву Волчице, Этна тихо выдохнула, прижав к груди соединенные большие и указательные пальцы, остальные просто сжимая.

Уступив свое место Валериану, целительница осталась стоять рядом с Августой и Амосом, с искренностью в глазах наблюдая за посвящением юноши.

Посвящение новоиспеченных целителей закончилось бурными овациями и множеством восторженных взглядов. Велес еще раз обратился к Белой Волчице с молитвой и прошением, прежде чем уступил свое место Леоне, а целители – шаманам. Первые вернулись на свои места за столами, наблюдая за посвящением своих друзей. Аурея стояла рядом с Констэнсом, а возле них еще четверо шаманов – Каэль, Милания, Элиас и Ундина –, с которыми сама Этна не сильно общалась на данный момент, не то, что в детстве.

Посвящение молодых людей в шаманы не слишком отличалось от посвящения в целители. Шаманка Тайя подавала Леоне такие же венки, что и на головах новых целителей, а последняя возносила благодарность Матери, после которой следовала клятва. Этна не без гордости смотрела на Аурею. Как бы там ни было, а она была искренне рада за каждого и каждую, кто смогли пройти сегодняшнее испытание.

Аплодируя вместе со всеми, когда всех стоящих посвятили в шаманы, целительница с радостной улыбкой наблюдала, как Аурея возвращается за стол, занимая свое место между ней и отцом. Тот искренне обнял дочь за плечи, рассматривая ее пышный венок и касаясь пальцами ягод.

– Мама безмерно гордится тобой, – проговорил Юлий, не прекращая улыбаться. Аурея тоже улыбалась, правда, сначала ее улыбка была немного скованной. Ей было неловко от слов отца, сказанных в присутствии Этны, но когда та взяла ее за руку, поддержав своей улыбкой, ее собственная буквально стала лучезарной. – Думаю, сегодня вы можете позволить себе расслабиться, а?

Мужчина кивнул на стоящий около них кувшин, от которого исходил сладковатый запах сброженных ягод и меда. Взяв тот в руку, он придвинул поближе три стакана и разлил по ним ягодную медовуху, шутливо подмигнув каждой из девушек. Те тихо рассмеялись, принимая стаканы с выпивкой и, чокнувшись, сделали по глотку. Этна ощутила, как яркий медовый вкус прокатился по горлу, оставляя на языке долю кислинки от ягод с вполне приятным послевкусием. До этого дня она пробовала медовуху всего два раза и то на праздник, так что успела отвыкнуть от напитка, который изготавливали на Юге и на Север тот попадал лишь на время торжества.

Все за столами праздновали в полной мере, наполняя стаканы медовухой и брагой. Тарелки наполнились таким разнообразием еды, что глаза разбегались. Но, стоит заметить, что, несмотря на разнообразие блюд и закусок, на столе не было ничего из мяса или рыбы. Северяне твердо придерживались своей привычки не употреблять в пищу других живых существ. Зато знали множество способов приготовления блюд из одних и тех же овощей, чем и довольствовались. С разных уголков столов были слышны разговоры и смех. Все были искренне поглощены торжеством. Даже Этна на миг забыла про то, как к ней все относятся и растворилась в волшебной атмосфере праздника, разговаривая с отцом подруги и весело смеясь.

Постепенно звуки трапезы и разговоров сменились на музыку, которую стали играть шаманы. Вооружившись бубнами, они издавали ритмичные звуки, а один из них пел в бубен с эхо-эффектом, разбавляя гулкие удары и разнося свой голос по всему лесу. Окунувшись в чарующую и загадочную мелодию, многие выходили из-за столов, принимаясь танцевать вокруг жаркого костра так, как умели и как подсказывал им ритм бессловесной песни. Тени танцующих скакали между стволов и по ветвям, приобретая странные очертания, не останавливаясь ни на миг. Лица танцующих были озарены огненным светом, в глазах горели звезды, а пальцы были крепко переплетены друг с другом, пока их тела отдавались дикому порыву пляса. Этна и сама засмотрелась на разгоревшееся веселье, допивая свою медовуху, но не решаясь подняться из-за стола.

Целительница только сейчас обнаружила, что рядом с подругой не было Констэнса и что тот вообще сидел на другом краю стола, периодически бросая взгляды на свою возлюбленную, которая весьма искусно их игнорировала. Впрочем, поинтересоваться, почему шаманы сидят не вместе на их общем празднике она не успела. Аурей, будто читая ее мысли, встала из-за стола, протягивая ладонь и широко улыбаясь.

– Отец, налей нам еще медовухи, чтобы было не страшно танцевать.

– Ты и так бесстрашна, Аурея. Я вижу хмельной блеск в твоих глазах, – Юлий дружелюбно усмехнулся, но просьбу дочери исполнил, наполняя стаканы девушек хмелем. Этна чуть улыбнулась, принимая свой полный стакан обратно, а после беря девушку за руку и поднимаясь из-за стола, позволяя утащить себя поближе к костру и танцующим.

Плясать со стаканом в руке было не слишком сподручно, но Аурею это ничуть не волновало. Делая глотки, шаманка держала за руку целительницу, двигаясь с ней с едином ритме танца и ударов бубна, разносящихся по всему зеленому лесу. Этна следовала ее примеру, делая глотки и вливаясь в музыку. Огонь отдавал ей свое тепло, грея и рисуя на лице причудливые тени.

– Почему Констэнс один? – перекрикивая музыку шаманов, Этна вперила черные глаза на Аурею, перехватывая ее руку и кружа вокруг своей оси.

– Ты знала, что у тебя глаза светятся? – пропустив вопрос мимо ушей, как и взгляды юноши, новоиспеченная шаманка пристальнее вгляделась в черные очи целительницы, в глубине которых мерцали огни, но сама радужна будто и правда светилась изнутри оранжевым светом костра.

– Чего? Ты что, так быстро опьянела? – она улыбнулась, легонько пихая девушку в бок. Как ее глаза могут светиться? Вероятно, это все из-за света огня и того, что Аурея слегка опьянела. Мало ли, что ей могло привидеться, да?

– Я серьезно, будто изнутри сияют, – стояла на своем Аурея, не сводя серьезных небесных глаз с чужого лица.

– Может это из-за того, что я счастлива? – Этна тихо засмеялась, а теплый огонь в ее душе будто стал гореть еще ярче, добавляя блеска в глаза, которые и правда сияли. Хотелось бы ей настоять на своем вопросе, но Аурея редко делилась с ней чем-то своим личным и сокровенным. Не подруги ведь.

– Возможно, – Аурея тоже рассмеялась, быстро допивая свою медовуху, чтобы закружить Этну в танце. Их тени, сплетенные друг с другом, извивались и мелькали, скача с ветки на ветку и выскакивая из-за толстых стволов деревьев. Будто жили своей жизнью, отдельной от жизней хозяек.

– Вы будете против моей компании? – протолкнувшись между танцующими, к девушкам подошел Констэнс, правда без стакана. Обе замерли. Лица покрасневшие, на губах застыли улыбки, в глазах мелькали тысячи огней, а пышные венки немного съехали, придавая неповторимый шарм им обеим. Даже шрамы Этны сейчас будто стали менее заметнее, сглаживая черты лица и делая ее красивее.

– Ладно уж, не будем, раз пришел, – отозвалась Аурея, сменяя свой гнев, чем бы он ни был вызван, на милость. Этна согласно кивнула, в один миг осушая свой стакан, прежде чем поставить его в траву, чтобы танцевать было еще удобнее. Последовав ее примеру, шаманка отправила свой стакан туда же, после беря за руки молодых людей, образуя круг и начиная с ними кружиться, совершенно не заботясь о том, что такими темпами ее венок может слететь с головы.

Этна, подхваченная этим теплым во всех смыслах порывом, крепко сжимала ладони двух шаманов, кружась с ними, слушая льющуюся мелодию леса. В голове не было ни одной мысли. Сейчас она жила лишь одним моментом. Этим моментом, где была она, Аурея и Констэнс, яркий костер и послевкусие ягодной медовухи, ударившей в голову.

Отпустив руки друг друга, молодые люди стали прыгать, пританцовывая вокруг огня, влившись в круг таких же безумцев, как и они сами. Бубны будто стали звучать громче, а чарующее пение на языке самой природы – еще более захватывающим. Лица быстро мелькали друг перед другом, пока Этна не поняла, что осталась одна среди других беснующихся северян. Замерев, она обвела глазами поляну, находя Аурею и Констэнса чуть в стороне. Целующихся.

Получив толчок, от которого пошатнулась, обернулась, понимая, что это была Августа, которой видимо помешала. Мотнув головой, Этна покинула круг, возвращая взгляд на девушку и ее молодого человека, с которым она сплелась в объятиях, не замечая ничего и никого вокруг. Будто сейчас весь ее мир был сосредоточен на одних губах, а всего прочего попросту не существовало.

Смешанные чувства, будто порыв ветер, охватили целительницу, немного притушив огонь радости в ее груди. Та отвела глаза, понимая, что никогда не будет иметь искренних дружеских отношений. Только сочувствие, которое исчезнет, стоит на горизонте появиться другому человеку. Сочувствие – сложное

и противоречивое чувство. Гораздо легче чувствовать искренние эмоции, чем жалость.

Вернувшись к месту, где были оставлены стаканы, Этна подняла их, возвращаясь к столу и ставя на него посуду, прежде чем исчезнуть, скрываясь за теньями танцующих и звуками музыки. Сейчас лучше побыть в одиночестве. Как она ни старалась, но даже здесь, на общем празднике, она всегда будет сорняком, которому нет места в общем букете прекрасных цветов.

Самое время было подобрать с крыльца книгу, поспешно брошенную там, когда пришла Аурейя, и вернуть ее на родину – в читальню. В Доме было тихо и темно. Свет от огня отражался в окнах, мелькая пятнами на полу и стенах. Оставив обувь на пороге, целительница с книгой в руках направилась в читальню, на ходу поправляя сползший венок, стараясь разместить его на голове так, как это сделал Велес.

В читальне было слишком темно, а ее мрачные окна выходили на лес – мрачный, таинственный, но ничуть не страшный для той, кто выросла в колыбели его ветвей. Этна зажгла свечи, что были на подсвечнике, довольствуясь их пламенем. Подойдя к нужной полке, она поставила книгу на ее законное место, когда услышала шорох. Будто кто-то переворачивал страницы за стеллажом. Нахмурившись, целительница ощутила, как сердце стало биться быстрее в груди. Темный ночной лес несколько не пугал ее, но некто, скрытый во мраке библиотеки еще как. Молча и тихо она обогнула деревянный стеллаж, полный книг, замечая стоявшего. Он был высоким, его светлые волосы волнами лежали на голове, а открытая кожа шеи будто светилась.

– Как вовремя ты пришла, Этна, – он даже не вздрогнул, видимо, ощутив ее задолго до появления в читальне. Она открыла рот, намереваясь задать кучу лишних вопросов, но он был быстрее, оборачиваясь. Его лицо сияло и расплывалось во мраке, а все движения были будто-то бы запоздалыми и заторможенными. Или это ей так казалось?.. Медленная и заторможенная улыбка озарила острые черты лица. Синие, как море, глаза светились, наблюдая, как целительница остолбенело и непонимающе смотрит на него. Вокруг головы светился лазурный ореол, придавая волосам странный морской оттенок. Он приблизился, все также медленно и запоздало, а она даже не шелохнулась, будто позабыла обо всем. – Я ждал тебя. Если бы ты знала, как долго ждал.

Его голос, бархатный и чуть хриплый, слышался будто сквозь толщу воды. Улыбка стала зловещей, больше похожей на оскал хищника.

– Садись.

Этна послушно повиновалась, едва ли помня себя в этот момент. Видела только незнакомца, чьи черты лица были искажены, а сам он, будто сквозь неведомую завесу, двигался медленно и заторможено. Целительница отошла к одному из кресел, стоящих около окна и опустилась на него, во все глаза смотря на странное существо, представшее перед ней. Не имея своей воли двигаться, думать и говорить. Подвластная лишь странным чарам пришельца.

– Читай.

Еще один приказ. Он протянул ей свиток. Этна взяла его, послушно разворачивая. Подсвечник остался стоять на тумбе возле входа, но свечения парня вполне хватало для того, чтобы увидеть буквы, которые кто-то старательно вывел на выцветшем пергаменте.

– И проснется Спящая, дочь огня и той, что утаила ее рождение. И выпустит силу свою она на континент. И не будет пощады всем от огня ее и даже вода не сможет помешать ей возратить Смерть в дом родной.

– Умница, Этна. А теперь, боюсь, мне нужно идти. Но мы еще встретимся, обещаю, – расплываясь и тормозя, незнакомец оставил пергамент в руках целительницы, склоняясь и целуя ее костяшки, спрятанные за перчаткой. Криво улыбнувшись на прощанье, он покинул читальню, не скрипнув не единой половицей под сандалиями.

Глава 6

Погрузившись в атмосферу праздника вместе со всеми, Калисто искренне радовалась тому, что все ребята хорошо справились с испытанием и теперь могли называться полноправными целителями. Но еще больше наставница была

счастлива за свою подопечную, наблюдая за тем, как та общается с подругой и ее отцом. Долгий путь обучения, длящийся несколько лет, подошел к концу. С одной стороны, Калисто была безмерно горда, ведь смогла дать обширные знания Этне, видя наглядный результат своих трудов. А с другой она понимала, что будет искренне скучать по их занятиям. Впрочем, они ведь не расстанутся, чтобы так грустить. Просто ее девочка выросла, став самостоятельной.

Спустя длинные разговоры и пару стаканов сбитня Калисто заметила, что не видит Этну танцующей возле костра. Аурея с Констансом сидели на краю поляны, беседуя о чем-то, будто пару минут назад и не танцевали с целительницей, что было странно. Может не заметили ее исчезновения? Волнуясь, что девушка могла себя чувствовать лишней на собственном празднике, наставница встала из-за стола и направилась в Дом, будто ведомая чутьем. Ведь если ее нет там, значит в лесу. А если в лесу, значит не хочет быть найденной, что еще хуже. Остается надеяться на лучшее.

Дома было сумрачно, но даже сквозь мрак Калисто увидела сапоги Этны, аккуратно стоящие на пороге – видимо, не планировала на долго заходить внутрь, раз не стала убирать обувь в напольный небольшой шкаф. Уже хорошо.

– Этна? Ты здесь? – разувшись, она пошла на трепещущий свет, который лился из читальни, надеясь, что ничего страшного не произошло. Почему ее охватило такое беспокойство за бывшую воспитанницу?

Прямо на входе в читальню на тумбе стоял подсвечник с зажжёнными свечами, по которым стекали горячие слезы воска. Повернув голову, наставница увидела девушку. Ошарашенную. Потерянную. Сидящую в кресле. С пергаментом в руке. Ее глаза впились в слова, что были написаны там. Плечи напряжены, а пальцы почти что комкали старую бумагу.

– Этна? – ничего не понимая, что происходит с молодой целительницей, Калисто приблизилась к ней. Та медленно подняла потерянные черные глаза, все еще сжимая свиток.

– Что это?

Хмурясь, наставница мягко забрала свиток из ее рук, с огромным трудом сохраняя спокойное выражение лица. Ей хватило мельком взглянуть на

пергамент, чтобы понять, что там было написано. Как ни старалась забыть, но страшные слова никак не шли из головы вот уже много лет. Но, милостивая Мать, как она нашла его? Зачем? Что сказать?

И проснется Спящая, дочь огня и той, что утаила ее рождение. И выпустит силу свою она на континент. И не будет пощады всем от огня ее и даже вода не сможет помешать ей возвратит Смерть в дом родной.

– Что это, Калисто? – голос зазвучал требовательнее, скрывая нотки отчаянья и страха. Как ответить ей? Ни одного ответа. Ни. Одного. Ответа. Только годы недомолвок, тяжелым бременем лежащие на ее плечах.

– Где ты это взяла, Этна?

Юная целительница замаялась, скользнув глазами к одному из стеллажей. Калисто знала ее слишком хорошо, чтобы понять – она что-то скрывала. Не хотела этим делиться. Но по какой причине? Этна всегда была честна с ней, всегда рассказывала обо всем без утайки. Всегда была честной, в отличие от самой Калисто. Ложь тяжелым бременем лежала на ее плечах. Милостивая Мать, если бы она только могла ей все рассказать...

– Нашла, – наконец последовал лживый ответ. И Калисто сделала вид, будто поверила ей. Лгунья. – Это... пророчество? Что за Спящая?

– Не знаю, если честно. – последовал лживый ответ. И Этна сделала вид, будто поверила наставнице. Лгунья. – Думаю, это древняя глупость про какую-то соню, которая наконец должна проснуться и пойти заниматься более полезными делами.

Она улыбнулась, смотря на Этну, пытаясь внушить ей свою ложь. Видела недоверие и потерянность в черных лисьих глазах. Чтобы здесь ни произошло и как бы ее бывшая подопечная не нашла этот треклятый пергамент, это слишком сильно выбило ее из колеи. Такой странной она никогда еще не выглядела.

Этна улыбнулась в ответ, но взгляд все еще был потерянным. Наставница быстро и громко свернула пергамент в трубочку, будто от этого действия зависела вся ее дальнейшая жизнь. Будто тем самым могла избавиться от слов, что таились на бумаге вот уже не первый год и даже не первое столетие.

В читальне повисло тяжелое молчание. И оно не нарушилось даже когда Калисто протянула Этне руку, помогая подняться с удобного кресла, уводя ее прочь из комнаты, задувая свечи. Между ними двумя будто разверзлась пропасть после недомолвок и лжи, которую обе распознали в словах друг друга, но не захотели лопать этот мыльный пузырь. И если одна лгала, потому что однажды пообещала хранить секрет, то какая причина у другой?..

Калисто и не думала возвращать девушку обратно на праздник. Вместо этого она повела ее в другое крыло, туда, где были комнаты целителей. Может это и было правильно, ведь у обеих пропало всякое настроение и желание отмечать столь долгожданный праздник. Отворив одну из дверей, наставница махнула рукой внутрь комнаты и Этна, будто коза на веревке, шагнула внутрь. Спальня была почти что такой, как и в ученическом доме. Только больше и ее широкое окно выходило на сторону густого и спящего леса. На прикроватной тумбе стояла одинокая свеча, разгоняя мрак, судя по количеству восковых слез ее зажгли с начала праздника, не раньше. Просторная кровать была заправлена, в ее изножье стоял резной деревянный сундук. Около окна стояло мягкое кресло, а рядом – небольшой стеллаж, на котором стояли любимые книги девушки. В ее прежней комнате их попросту было негде хранить и приходилось оставлять их в читальней, но здесь им нашлось место. На против был туалетный столик с зеркалом, тазом, кувшином, полным воды и мягким полотенцем. Рядом с полотенцем лежал гребень Этны, а возле него льняной мешочек. Кто-то, вероятнее всего сама Калисто, перенесла вещи своей подопечной в ее новую комнату, решив обустроить ее и таким образом помочь с небольшим переездом.

– Небольшой подарок от меня в честь праздника... Доброй ночи, Этна, – кинув короткий взгляд на юную целительницу, Калисто сжала ее плечо и, развернувшись, ушла. Ее шаги тихо отдавались в коридоре, а после послышался звук закрываемой двери.

Этна закрыла дверь в свою новую комнату. Она все еще не отошла от странного воздействия, которое оказал на нее юноша. Ей казалось, будто весь мир замедлился и ужасно тормозил перед ее глазами, расплываясь в свете слабых огней. Она никогда не лгала Калисто. Никогда и ни в чем. Белая волчица, да она ей почти как мать! Но в этот раз... Сама не понимала, почему умолчала о приходе чужака, который дал странный пергамент и заставил прочесть не менее странные строки, которые до сих пор звучали в голове. Это было страшно, хотя она не понимала, почему. И это незнание пугало еще больше.

Заставив себя отмереть, Этна подошла к туалетному столику, беря небольшой мешочек и развязывая его, со всей осторожностью высыпая его содержимое на ладонь. Там оказалось украшение на шею, представлявшее собой кожаный шнурок, соединенный посередине медный кольцом, с которого свисало красивое иссиня-черное перо с белыми прожилками, украшенное вначале белой бусинкой и простые серьги с такими же бусинками и перьями, которые казались мягкими на ощупь. Очень милый подарок со стороны Калисто, а Этна даже не поблагодарила ее за это. Сняв перчатки, она прикоснулась к серьгам, подушечками пальцев водя по мягким темным перышкам – легким и нежным.

Оставив подарок лежать на мешочке, молодая целительница сняла венок со своей головы, вдохнув аромат цветов и ягод, унося его на узкий подоконник, прежде чем вернуться к зеркалу, чтобы распустить волосы, которые успели слабо завиться от такой прически, густыми локонами падая на некрасивое лицо. Расчесав те гребнем и кинув на себя быстрый взгляд, Этна переоделась в свою ночную сорочку, благодаря наставницу за то, что перенесла все ее вещи в новую комнату.

Устроившись на своей кровати, она задула свечу, погружая комнату в густой мрак. Закрыла глаза и быстро погрузилась в сон.

Глава 7

Опаляющая боль. Быстрая, но горячая. Голоса. Множество голосов.

Этна.

Этна.

Делайте, что хотите.

Никто не должен узнать о ее рождении.

Все тело ноет. Болит. Жжет. Глаза крепко закрыты. Она спит. Крепко. Ни одну ночь. Ни один день. Спит, но слышит. Слышит, но не понимает. Горит, но не сгорает.

Что нам с ней делать?

Убить.

Мы не можем ее убить.

Она не должна узнать. Мы не скажем.

У б и т ь .

И проснется Спящая, дочь огня и той, что утаила ее рождение. И выпустит силу свою она на континент. И не будет пощады всем от огня ее и даже вода не сможет помешать ей возратить Смерть в дом родной.

Маленькое дитя объято огнем. Спит спокойно в жарком пламене, оберегающем ее будто чрево матери. Спит не первый восход трех светил. Вокруг хлопочут люди. Множество людей. Часть из них носит волчьи маски, скрывающие лица. Они говорят. Много и долго. Они спорят. Громко и упрямо. Они действуют. Бесполезно и напрасно.

Ее огонь, ее защиту, пытаются потушить. Но вода бессильна против огня, оберегающего младенца. Она с шипением испаряется, встретившись с пламенем, который объял малышку, но не объял покрывальце, на котором она спала. Слышны молитвы. Тихие. Полные ужаса. Просящие защиты. Взывающие к Матери.

У б и т ь .

Этна!

Этна?

Много раз луны и солнца сменяли друг друга на небосводе. Маленькая девочка спала. Ни разу не открыв глаза. Ни разу не заплакав. Ни разу не поев и ни попив. Но она росла. Крепла. Будто что-то питало ее изнутри.

Но когда все утратили надежду, не зная, что делать с этим проклятьем, она распахнула лисьи глаза. Черная радужка сливалась с расширенным зрачком. Она видела все. Молодых и старых. Добрых и злых. С открытыми лицами и волчьими масками вместо них. И тогда она заплакала. Закричала. Жадно глотая воздух и всхлипывая. Дергая маленькими ручками и ножками. Смоляные волосы разметались по ее лицу. И тогда все заметили. И взмолились.

Милостивая Мать, защити, помоги.

Они болели. Жгли нежную кожу. Вереница отвратительных, розовых и воспаленных следов от огня. Они тянулись по всему телу, опутывая его, будто паутиной. Единственное напоминание об угасшем огне.

Убивать дитя было поздно.

Слишком поздно.

Все это понимали.

Этна в ужасе закричала, подпрыгивая на кровати и распахивая глаза, полные ужаса и горячих слез. Сердце бешено билось за решеткой ребер, волосы и ночная сорочка были влажными от холодного пота. Сжимая пальцами одеяло, она пыталась осознать, что это был за ужасный сон, полный разных голосов, странных и далеких, но, кажется, до боли знакомых людей. А еще там был он... Тот странный текст, что она прочла на пергаменте. Что ее заставили прочесть. Тот странный незнакомец, из-за которого внутри все будто бы тормозилось вечером.

Теперь, пытаясь привести мысли в порядок после кошмара, молодая целительница постаралась переключиться на странного пришельца и на то, что вчера случилось. Он навевал страх, но при этом не был ужасен. Но то, что она вчера видела... яркое свечение, ореол... так странно. И пугающе. Поэтому она солгала Калисто, слишком была напугана, чтобы рассказывать о незапланированной встрече и о том, как буквально потеряла над собой контроль, повинувшись лишь чужим приказам. А еще она будто была в каком-то коматозе вчера, не могла мыслить здраво и это было еще одной причиной ее лжи. Но наставница тоже была напугана, не меньше нее, когда увидела пергамент. Что ее так испугало? Вряд ли невинная древняя шутка про соню. Такие вещи не пугают. Но почему она не призналась, почему промолчала и солгала в ответ?

А кошмар? Со словами пророчества. С криками. С ненавистью. С ужасом. С мольбами о помощи. И все из-за младенца, объятых огнем? Кто этот ребенок? Конец сна она помнила ужасно плохо. Было слишком больно, как будто это она сама горела этим жарким огнем. Боль от его языков была нестерпимой и ужасной.

Ничего не понимая, Этна опустила босые ноги на холодный пол, взглянув в окно. Небо за ним окрашивалось в нежно-абрикосовый цвет, а низы деревьев, насколько было видно, золотились от пробуждающихся светил. На полотне небосвода лениво плыли воздушные облака, навевая безмятежность, вот только ей все еще было беспокойно. И из-за кошмара, и из-за того, что солгала Калисто. Она ведь никогда не лгала ей, всегда оставаясь честной и рассказывая абсолютно обо всем. Собственный поступок поражал и убивал.

Качая головой, целительница встала с кровати, заправляя её, и начала приводить себя в порядок. Сегодня ее первый день в качестве новоиспеченной целительницы и, по негласной традиции и по собственному желанию, она должна была сделать что-то для других целителей в знак благодарности и уважения к ним. Она не знала, проснутся ли остальные так же рано, как она сама, но решила не равняться на других. Это утро, да и день, должны пройти с пользой для всех.

Умываясь, Этна поглядывала на свое лицо в круглое зеркало и что-то упрямо не давало ей покоя. Это что-то словно находилось у нее под носом и дразнило своей доступностью, но она никак не могла понять, что именно. Что-то важное. Очень важное. И связанное со сном. Причесав волосы и решив надеть подарок наставницы, целительница собрала волосы в высокий хвост, снимая свои серьги, с которыми почти не расставалась, и вместо них надевая мягкие перья, щекочущие кожу. Надев и украшение на шею, отрегулировав кожаный шнурок, чтобы сильно не давил, Этна сменила сорочку на удобные свободные штаны бурого цвета и рубаху с длинным рукавом шафранового цвета. Обнажать руки было некомфортно из-за шрамов, но ткань была легкой, так что в ней не будет жарко в самый солнечный день. Завершив образ своими легкими перчатками, Этна вышла из своей новой комнаты, направляясь напрямик в столовую, решив заняться завтраком для всех.

Добравшись до столовой, Этна юркнула за неприметную дверь, оказываясь в просторной и светлой кухне. Судя по тому, что столы и лавки стояли на своих законных местах, а в раковине возвышалась внушительная гора грязной посуды, северяне не стали оставлять бардак на улице, прибравшись за собой, но вот сил на мытье посуды у них явно не хватило. Целительница не могла винить их в этом, учитывая, как сама вчера покинула торжество.

Решив позже разобраться с посудой, она приступила к приготовлению завтрака. У целителей не было четких правил, обязывающих кого-то определенного заниматься приготовлением пищи, уборкой или огородом. Все по не регулируемой очереди занимались этими делами и в том не было ничего зазорного, ведь это был их общий Дом и поддерживать в нем порядок было необходимо всем.

Нарезав оставшийся хлеб, Этна вооружилась ножом и сливочным маслом, решив сделать бутерброды с сыром и томатами, как в столовую вошли близнецы.

Волосы Виолы были расчёсаны и аккуратно лежали на ее голове, в отличие от волос Валериана, который, кажется, в глаза не видел гребня.

– О, ранняя пташка, – лукавая улыбка тронула губы девушки, пока та с братом здоровались с целительницей. Этна сложила ладони в приветственном знаке в ответ, взглянув на сиблингов. – Даже не удивлена, что ты тут.

– А вот я удивлена, что вы двое так рано встали, – отозвалась она, отправляя ломти хлеба с маслом на тарелки, прежде чем взяться за заранее подготовленные другие ингредиенты.

– Лично я с удовольствием бы еще поспал, если бы не кое-кто, – фыркнул Валериан, показательно зевая перед лицом сестры и тут же получая от нее тычок в ребра. – Ай!

– Ты куда вчера запропастилась? Там тебя Аурея искала полвечера, – как бы невзначай проговорила Виола, подходя к каменной печи и начиная разжигать в ней огонь, намереваясь заняться приготовлением напитка. Валериан с тоской на лукавом лице взирал на беспорядок кухни, в основном на очаровательно большую гору грязной посуды, понимая, что с завтраком помогать не было смысла, но что-то делать нужно было.

– М... перепила медовухи и меня немного унесло.

Вторая ложь. Этна старалась быть честной не только по отношению к Калисто, но и в целом ко всем людям, с которыми имела дело. Но вот спустя несколько часов она вновь лжет. Впрочем, на это ведь есть причина, да? Не может же она взять и сказать, что видела чужака в Доме и что тот непонятно как подчинил ее своей воле, очень сильно напугав. Как минимум это бы звучало как бред. А как максимум ей бы никто не поверил. Не слишком ли много к себе привлекает внимания девушка с загадочными шрамами на лице и отсутствием родителей?

– А-а, – понимающе протянула близнец, набирая воду в кастрюлю и ставя ее в горнило печи. Ее брат тем временем с лицом самого несчастного человека на Земле принялся за мытье посуды. К сожалению, та никуда не делась даже после его испепеляюще-умоляющего взгляда.

Дальнейшее приготовление завтрака проходило в тишине, сопровождаемое тихими вздохами Валериана. Этна неспешно доделывала сытные бутерброды, намереваясь после взять ягод и смешать их со сливками в качестве десерта. Виола же в это время подготавливала травы и мед для чая. И в этот момент в помещение вошла неразлучная парочка – девушка, похожая на березу, и парень с некрасиво-серыми глазами. Приветствуя присутствующих, они оглядели кухню, видимо понимая, что все самые интересные занятия уже разобрали. Не считая занятия несчастного Валериана с мокрыми руками и посудой, которая, кажется, даже не думала убавляться.

– Ну и что нам делать? – недовольно поинтересовалась Августа. Слово другие целители были виноваты в том, что она встала почти позже всех.

– Сове хер приделать, – невинно посоветовала Виола, стараясь выглядеть мило, но в ее голубо-серых глазах плескались озорные искры.

– Сестра, зачем так грубо? – поинтересовался Валериан, развеселившись от подобного совета и даже оторвавшись от своего невероятного занятия. – Можете просто с Амосом навернуть несколько кружочков вокруг Дома голышом, развеселите взрослых и заодно покажете детям явное различие между мальчиком и девочкой.

– Пожалуй, я буду использовать ваши шутки вместо ножа, – усмехнулась Этна, которую всегда веселили высказывания близнецов, особенно теперь, когда они подтрунивали над влюбленной парочкой. Расхрабрившись, она взяла нож в оголенную ладонь, проводя пальцем по его острию, будто проверяя не затупился ли тот, после поднимая лисьи глаза на влюбленную парочку.

– Смотри осторожнее с такими высказываниями, с и р о т к а , – целительница, похожая на березу, сейчас больше походила на ядовитую гадюку, плюясь ядом. Что было странно, ведь Этна всего лишь похвалила остроумие близнецов, даже не упомянув и тем более не оскорбив Августу. – Ножи имеют свойство оставлять дырки в мягком.

Шутливая атмосфера испарилась, будто роса по утру с травы. Девушки буравили друг друга глазами. Этна упрямо не хотела отводить глаза, зная, что если опустит взгляд, то проиграет. Но ей не хотелось проигрывать. Не сейчас. Будто после прихода того ужасного человека в ней что-то изменилось. Нечто такое,

заставляющее говорить и давать отпор. Так бывает, когда, получив удар, больше не желаешь быть побитым. В душе поднималась странная буря, заставляющая давать отпор. А огонь от слов Андерса лишь придавал ей уверенности в себе. Они прекрасны, словно благословение Гёдземы.

- Не стоит угрожать, Августа. Она тебя не стоит, - вмешался Амос, приобнимая девушку за талию, вперивая в Этну презрительный взгляд. Все чувствовали накал в воздухе, но, кажется, целитель не хотел, чтобы тот набирал силу. Или просто боялся, что в следующую секунду девушки вцепятся друг в друга.

- Ты прав. Не стоит тратить на такую свои силы. Она лишь пыль под моими ногами, - девушка высокомерно улыбнулась, переводя глаза на Амоса, целуя его в щеку, а после беря за руку. Кажется, ее накал заметно спал под словами возлюбленного. - Пойдем приготовим посуду для завтрака, раз нам тут не рады.

Произнеся эти слова, ядовитая парочка покинула кухню, но атмосфера все еще оставалась напряженной. Если бы не дерзкие слова Этны, то комментарии близнецов восприняли бы с привычной иронией, но не в этот раз. Целительница посмела дать отпор, посмела вставить свое слово, возомнила себя храброй. Или, возможно, просто устала от вечных шпиняний со стороны других. Сколько можно их слушать?

Больше этим утром не произошло ни единой стычки. Августа намеренно не замечала Этну и даже за большим столом целителей держалась подальше от нее. Впрочем, молодую целительницу это более чем устраивало. Она не без удовольствия уплетала свой завтрак, ведя беседы с другими целителями и старейшинами, поглядывая на пустующий ученический стол. Он, ровно, как и ученический дом, будет пустовать еще целый год, прежде чем дети, которые решат стать целителями, займут его.

Калисто делала вид, будто между ней и бывшей ученицей не произошло ничего странного вчера. Будто и не было никакого странного пергамента, древних слов и недомолвок. Ей было сложно и неприятно от того, что она обманывает девушку, к которой привязалась и искренне полюбила ее, но был ли у нее выбор?

Не было, только если она не намеревалась нарушить свою клятву, а этого нельзя было допустить.

После сытного завтрака новоиспеченные целители решили прибраться. Валериан всеми силами отнекивался от грязной посуды, но под напором сестры сдался, принимая поражение, а с ней и очередную гору, которую предстояло помыть. Она и в этот раз никуда не исчезла под его умоляющим взглядом. А жаль.

День был теплым, но не жарким – три солнца попеременно прятались за мягкими облаками, заполонившими небо, а где-то вдалеке даже виднелись темные тучи. Возможно, ближе к вечеру пойдет дождь, но пока небосклон обещал быть ясным. Вырвавшись из плена уборки, Этна решила пополнить запасы лесных ягод – последние она израсходовала для завтрака, а дети, обычно не разговаривающие с ней из-за страха, с трепетом попросили сделать в обед еще один десерт с ягодами и сливками. Молодая целительница не могла отказать детям в такой просьбе и теперь шагала по знакомой тропинке сквозь сень высоких деревьев.

Оставшись одна, она не могла не начать думать о странном незнакомце и об ужасном сне. Обычно она очень редко запоминала сны, но в основном те были не страшными и связаны с ней или близкими людьми, а тут... такое с ней произошло впервые. И, что самое странное, именно после появления странного юноши. Как он смог проникнуть в Дом незамеченным? Что за странный пергамент дал прочесть и зачем? Почему сказал, что долго ждал ее? И что за неведомые вещи творились с ней, пока сам пришелец светился, как одна огромная звезда, и полностью владел ее разумом? Слишком много вопросов. Ни одного вразумительного ответа.

Этна могла бы предположить, что явившийся был пришельцем с Запада – только там люди владели магией, оставшейся им после того, как Жизнь вышел из воды. Но, насколько знала она сама, возможности магии у морского народа были крайне ограниченными – они могли менять свой облик на русалочий, наблюдать за ходом времени в течении небольшого промежутка и насылать галлюцинации в качестве защиты, что всегда казалось странным целительнице. Впрочем, может из-за того, что она понятия не имела, как работает защита подобного рода? Поэтому предположение могло быть правдивым лишь на определенную часть. Но кто это мог быть еще – она не имела понятия. И это, пожалуй, пугало даже больше, чем чужие возможности.

Сбор ягод проходил без суеты и тишины, но та была привычна и приятна. Лес никогда не молчал. Был полон шорохов, звуков и голосов, которые перекликались друг с другом. Вдалеке журчал ручей, еще дальше слышались отголоски жизни шаманов. В корзине уже лежали горсти мелкой земляники, княженики, похожей на малину, но имеющую ярко-алый цвет (эту ягоду Этна собирала недалеко от болота и весьма торопливо), дикого крыжовника, а сейчас это разнообразие разбавляли темные ягоды водяники, напоминающие чернику, но с кислым вкусом. Перчатки лежали на бортике плетеной корзинки, а пальцы были перепачканы в соках ягод.

Вдруг привычный и понятный голос леса прервали тяжелые шаги и хруст веток под ними. Этна встрепенулась, подобно птице на ветке, безошибочно устремив взгляд туда, откуда доносился шум. Почему-то после вчерашнего ей было не по себе от подозрительных шорохов и сейчас она была готова действовать. Нет, отнюдь не драться, но бежать.

Сердце пропускало гулкие удары, пока сама целительница почти не моргая смотрела в сторону доносящихся шагов, держа в пальцах темную ягоду. Правда совсем скоро ее сердце забило еще быстрее, но уже не от страха. Из-за деревьев показалась знакомая пшеничного цвета макушка. Выделяясь на фоне зеленых деревьев в своем сером одеянии показался Андерс. Следом за ним показалась девушка, которая была значительно ниже своего спутника, но в силе, заметной в ее отточенном тренировками теле, она явно ему не уступала. Ее голубые глаза были подведены чем-то серым и непонятным, но это добавляло ей странной дикости и воинственности. Каштановые волосы были собраны в высокий хвост, в ушах виднелись крупные темные перья, а за спиной висел лук и колчан со стрелами. Оба горных воителя были одеты в рубахи, заправленные в кожаные штаны, короткие сапоги и стальные плащи на обычной застежке.

– Андерс! – целительница выпрямилась во весь свой рост, не без улыбки смотря на давнего знакомого и дружелюбно улыбаясь незнакомке. Впрочем, на лицах восточных людей не промелькнуло никаких эмоций, не считая узнавания на лице Андерса.

– Этна. Здравствуй, – проговорил воитель и, вспомнив приветствие северян, соединил указательные и большие пальцы, остальные сжав и прижимая ладони к груди, склоняя голову. Воительница молча наблюдала за этим странным обрядом, храня молчание. – Рад тебя видеть.

Последнее было сомнительным, учитывая, что радости на лице юноши не было. Но Этна не стала строго судить того, у кого эмоциональный диапазон приравнивался камню.

– Я тоже очень рада, Андерс. Что привело тебя на Север? Точнее вас.

– Моя победа в поединке, – наконец подала голос незнакомка, изучая дикими глазами шрамы на чужом лице и видя, как на нем отображается недоумение, искажая светло-телесные полосы.

– Это Гвиневра. Она одолела меня в поединке, – Андерс не пролил света на произошедшее, отчего недоумение на лице целительницы стало лишь сильнее. Воителю, видимо, было лень говорить, поэтому он сократил расстояние между ними с северянкой, заметно хромя на правую ногу. Этна, до которой наконец дошло, что ей пытались сказать, устремила глаза на хромую ногу, только сейчас замечая, что штанина на ней пропитана кровью.

– Почему ваш целитель тебя не принял? – поинтересовалась она, не понимая, как с такой ногой можно было тащиться с самого Востока. Впрочем, это же воители, им никакая боль не страшна. Точнее, не ощутима. Но все равно как целитель мог отпустить его с такой раной в такой далекий путь... Этна даже на миг усомнилась в его благоразумности.

– Ему и без того хватает работы, – ответила за него Гвиневра, вперив глаза в черные очи целительницы. – Ты сможешь?

– Разумеется.

Путь до Дома проделали без разговоров. Этна, как обычно, шагала тихо. Под ее сапогами не скрипнула ни одна ветка, не зашелестела ни одна травинка. В отличие от воителей, шагавшими так громко, будто были неповоротливыми барсуками. Под их ногами хрустели сучки и с шорохом мялась трава, а все лесные зверьки уже давно спрятались в своих укрытиях, услышав звуки их шагов. Молодая целительница пребывала в раздумьях и иногда поглядывала на Гвиневру. Девушка, которая избрала путь воительницы по своей воле. Которая умела обращаться с оружием, была сильна и бесчувственна. Которая прошла испытание болью и теперь твердо шагала рядом. Откровенно говоря, Этна никогда не могла похвастать особой смелостью и храбростью и не без

восхищения смотрела на воительницу, у которой двух этих качеств явно было в избытке еще до самого испытания. Отважная. Сильная. Непоколебимая. Хотела бы она быть такой же прекрасной и свирепой, как Гвиневра.

На поляне играли дети. Иногда на них деланно строго покрикивал Велес, греющий старые кости на широкой лавке и укрыв свои ноги темно-зеленым плащом. Стоило троице показаться на поляне, как маленькие северяне прекратили свою игру в догоняшки, не слишком культурно таращась на горных людей. И на их оружие. На рукоять тяжелого меча, висящего в ножнах на бедре юноши. На лук и колчан стрел за спиной девушки.

– Ты же ходила за ягодами, девочка, – проговорил старейшина, устремляя выцветшие глаза на гостей, но с лавки не поднимаясь. Дети все также глазели на молодых людей. Одна девочка, расхрабрившись, подошла поближе, с открытым ртом рассматривая меч, который был чуть меньше в длину, чем она сама. – Августа тоже сегодня впервые помогает сама. Пришла женщина с Запада, вот только не рассмотрел, что за беда была у нее.

– Ну, я и ягоды принесла, – пожала плечами Этна, не без легкой улыбки на губах наблюдая за чужой любознательностью и не отвечая на слова про Августу. Воителей это не слишком впечатлило. Или все же впечатлило... Мать их разберет... В любом случае они не шевелились, наблюдая в ответ и не мешая чужой любознательности. – Грета, прекращай таращиться на гостей. Забери ягоды.

Грета, смутившись, отвела любопытный взгляд от огромного меча, забирая у Этны корзинку с ягодами и торопливо убегая в Дом. Молодая целительница взглянула на горных людей и тоже двинулась к Дому Белой Волчицы. Гвиневре, кажется, было не очень уютно расставаться со своей обувью, но она следовала примеру Андерса, который на этот раз отказался от помощи, но весьма долго провозился с сапогами. Эта заминка позволила Этне рассмотреть чужие бледные пальцы, которые отказывались гнуться и выполнять привычные действия. Видимо, рана на ноге была не единственным увечьем.

– Тебе не нужно позвать... Калисто? – поинтересовался Андерс, следуя за Этной по уже знакомому коридору в левое крыло, ужасно хромая, но при этом даже не морщась. Боль не отзывалась в каждой клетке его тела при ходьбе.

– Нет, я вчера прошла испытание и стала полноправной целительницей, – Этна улыбнулась, взглянув на Андерса, прежде чем отворить одну из одинаковых дверей в одинаковую комнату и впустить обоих горных людей внутрь. Еще вчера она проделывала те же действия в качестве ученицы, а уже сегодня – в качестве целительницы.

– Прими мои искренние поздравления, Этна, – произнес воин, устраиваясь на кровати и кладя рядом с собой перевязь с мечом, в то время как молчаливая Гвиневра устроилась на стуле рядом, осматривая комнату и, видимо, не горя особым желанием принимать участие в диалоге. Она сняла со своего плеча колчан и лук, устраивая их на полу и разминая плечи.

– Спасибо. Как твои старые раны? Они хорошо зажили? – целительница отошла к тазу, снимая свои перчатки, обнажая кисти, покрытые шрамами и засохшими пятнышками от ягод.

– Да, – последовал ответ без особых раздумий. Этна, вымыв руки, подошла к Андерсу, требовательно посмотрев на его грудь, отчего ее обладатель лишь пожал сильными плечами, начав стягивать с себя одежду. В этот раз, как заметила юная целительница, ни на нем, ни на его спутнице не было доспехов. Она взглянула на оголенную грудь, где на ране виднелся лишь ступ. Швов не было, да и кожа вокруг раны не была покрасневшей и воспаленной, значит процесс заживления шел как надо. С раной на голове тоже все было отлично – она и вовсе почти зажила, правда, на ее месте может остаться шрам, но это не проблема для того, кто считает шрамы благословением Гёдземы.

Глаза задержались на розовом шраме на сильной груди. Напоминании об испытании болью. Скользнули к отточенным и сильным мышцам. Ей вспомнился русал. Его тело ведь тоже было сильным. Но, в отличие от тела воителя, его тело не было образцом усердия. Скорее произведением искусства, отточенным умелой рукой мастера. Но, Белая Волчица, оно было таким же прекрасным, как и это.

– Что с ногой и пальцами?

– Проткнула мечом и обрушила щит на его руку, – последовал ответ от Гвиневры, которая все это время не сводила глаз с целительницы. Похоже, она старалась лишней раз подчеркнуть то, что смогла одолеть Андерса. Или ей просто

нравилось отвечать за него.

– Неплохой прием защиты, – кивнул воитель, взглянув на горную девушку и в этот миг, возможно, в глубине светло-карих глаз мелькнул намек на улыбку. Но губы даже не дрогнули при этом.

– Поразительно, как вы не поубивали еще друг друга, – Этна покачала головой, наблюдая, как Андерс надевает рубашку, почти не шевеля отбитыми пальцами, а после закатывая штанину на правой ноге, обнажая глубокую, почти до самой кости, кровоточащую рану. Любой нормальный человек уже потерял бы сознание от болевого шока, но воитель смог дойти до Севера, при этом ни разу не поморщившись. Калисто все равно была бы недовольна им и целителем из гор, но, по крайней мере, воин пришел с сопровождением. Хоть в этом его нельзя было упрекнуть.

– Нельзя убить, занимаясь священным почитанием Гёдземы, – Гвиневра покачала головой, устремив подведенные серым глаза на рану своего друга, не морщась от ужасного вида.

– Что ты имеешь в виду?

Этна отошла к тумбе, вооружаясь влажной тряпкой, склянками с мазями и иглой с ниткой. Обезболивающее средство вновь осталось сиротливо стоять на своем месте.

– Каждый день мы почитаем Гёдзему тем, что устраиваем священные бои. Это наша обязанность наравне с добыванием пищи, – пояснила воительница, наблюдая как целительница устраивается на полу со своими лекарствами, принимаясь промывать рану, действуя аккуратно и уверенно. При этом она тоже не морщилась от вида крови и раны.

– Надеюсь, ваша покровительница ценит эти жесты, – проговорила целительница, прежде чем отточенными движениями начать сшивать кожу и мышцы, выстраивая аккуратные черные стежки, теряющиеся на волосатой ноге Андерса. – Расскажите еще что-нибудь про Гёдзему.

На миг Этна взглянула сначала на одного горного человека, а после на другую, прежде чем вернуться к своей работе. Она сама не понимала, отчего это

желание разговаривать молчаливых людей, но, как ни странно, рядом с ними ей было хорошо и комфортно находиться. С Андерсом такое чувство возникло из-за его защиты и огня, разожженного в душе от его слов. А с Гвиневрой... пожалуй, из-за того, что своей незримой силой и уверенностью девушка просто манила и притягивала к себе.

– По преданиям все горные люди произошли от каменных изваяний, которые и были первыми воителями и кузнецами, – начал Андерс, наблюдая за действиями Этны. – Но сама Гёдзема пришла в горы с Запада, когда Форланд был единым континентом, а Смерть ходила под руку с Жизнью.

– И зачем она покинула Запад? – закончив зашивать рану, Этна стала накладывать на нее мазь. Из-за интереса к рассказу ее действия немного замедлились, но были такими же точными и аккуратными.

– У нее начались кошмарные видения. В тех видениях гибли люди от рук ужасного чудовища. Сначала она направилась к шаманам, думая, что те помогут избавиться от кошмаров, но ваши люди были бессильны, – подхватила рассказ Гвиневра, слишком разговорившись, но ничуть не смущаясь этого. – Думая над своими снами, Гёдзема поняла, что это были пророческие видения от предков и захотела изменить ход событий, защитив свой народ от чудовища. Но как сделать это, когда там, – воительница приложила ладонь к груди, за которой скрывалось бесчувственное закаленное сердце, – бьется чуткое сердце?

– Она нашла на Юге того, кто мало-мальски умел ковать металл и ушла с ним в горы, намереваясь закалить сердце и, став отважной, защитить свой народ. В итоге тот незнакомый юноша оказался трусом, научил Гёдзему обращаться с металлом и оставил ее одну закалять сердце, – к этому моменту Этна уже наложила плотную повязку на ногу Андерса и, быстро убрав ненужные материалы на место, требовательно протянула ладонь, чтобы в нее вложили пострадавшую кисть. – Так и появилась наша покровительница.

– А вы не думаете, что ее сны были связаны с предательством Смерти? Все же ваши люди тогда отказались встать на защиту и тем самым помогли устроить переворот на Юге, – молодая целительница с опаской произнесла эти слова, взглянув на горных людей и буквально обвинив их предков в пособничестве переворота. Но, если те и были злы на правдивые слова, то на их лицах это никак не отразилось. Вернув глаза на крупные пальцы, Этна начала ощупывать их, пытаясь определить вид травмы.

– Возможно, так и есть и сны Гёдземы должны были помочь предотвратить этот инцидент, но вышло иначе. Мы не в ответе за действия наших предков, но из их поступков мы можем извлечь уроки, – отозвалась Гвиневра. Этна кивнула, получив нейтральный ответ, прежде чем начала накладывать тугую повязку на пальцы, обездвиживая их.

Этна никогда до этого не слышала полную историю о чужой покровительнице и теперь она стала еще более интересной, чем прежде. Хотя бы этими снами. Кошмарами, которые оказались предупреждением. Мог ли ее сон означать то же самое или это лишь кошмар и не более?

– Гвиневра, у тебя ведь был бой с Андерсом? – закончив с ранами воителя, молодая целительница обернулась к девушке, получая ее утвердительный кивок. – И он не нанес тебе ни одной раны?

– Нанес.

– Не хочешь показать?

Учитывая тон вопроса выбора у воительницы особо не было. Она задрала ткань своей рубахи, обнажая подтянутый живот с кубиками пресса, на котором так неаккуратно блестела не кровоточащая царапина. Вторая царапина оказалась на боку, уходя в область поясницы, будто опоясывая воительницу. Пожалуй, Этна даже не хотела знать, как именно появились эти, пусть и несерьезные, раны.

– Ничего серьезного.

– Все вы так говорите.

Вновь вооружившись мазями и бинтом, молодая целительница принялась за работу, попросив воительницу встать для своего же удобства. Интересно, если бы Этна не догадалась, что у девушки тоже могут быть раны стала бы та говорить о них? Что-то ей подсказывало, что нет.

– Откуда у тебя эти шрамы?

Возможно, некоторым была к лицу неразговорчивость. Руки целительницы на миг замерли, касаясь подушечками пальцев твердых мышц под кожей, изрезанных оружием. Непростительный вопрос, который ей задавали не один раз. Вот только целительница вовсе не ожидала того, что подобное любопытство проявит воительница, которую она видит впервые в жизни. И на этот раз Андерс не придет на помощь – тут ведь простое любопытство, а не каверзный вопрос. Но это все равно был неприятный интерес. Болезненный. Постыдный. Нераскрытый.

– Понятия не имею. Сколько себя помню – шрамы всегда были со мной, – Этне потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки и ответить на вопрос. Правда, глаз на Гвиневру она не подняла, делая вид, будто слишком сильно занята ее царапинами.

– А что говорят родители на этот счет?

Андерс вновь молчал и по его непроницаемому лицу нельзя было понять, как он относится к вопросам подруги и считает ли их уместными вообще. Но, судя по его молчанию, считает и, более того, сам не прочь выяснить историю чужого благословения своей покровительницы.

– Я сирота, – на этот раз Этна подняла глаза на воительницу, сжимая челюсти и голые ладони, прекращая обработку ран. Подведенные серым голубые глаза смотрели воинственно и выжидающе. Будто между ними был негласный поединок.

– Ты не знаешь, где твои родители?

– Понятия не имею.

– Не кажется ли тебе это странным, что в мире, где новая жизнь ценится больше, чем золотой слиток, тебя бросили родители, оставив в подарок лишь странные шрамы?

Воздух в комнате был раскален не хуже железа в умелых руках кузнеца. Ни одна мышца на лице Гвиневры не дрогнула, когда она говорила ужасные и непростительные слова. Лицо Этны исказилось, шрамы съежились, портя черты ее лица, челюсти были сжаты, а глаза потемнели от злости. Она могла стерпеть

насмешки и непонимание со стороны других бывших учеников. Но стерпеть такое от незнакомки, которая намерено причиняла боль? А Андерс, отведя глаза, был вынужден молча слушать этот странный и острый диалог. Неужели он не мог поднять меч на ее защиту, как сделал это тогда, в столовой?

– Не кажется. Я всю жизнь живу с этим проклятым незнанием! Ты думаешь, это так легко – когда каждый тычет в тебя пальцем, глумится над отсутствием родителей? А шрамы? Знаешь ли ты, как мерзко мне смотреть на свое отражение и знать, что никто в жизни не сможет меня полюбить из-за этого уродства? Какой бы умной, трудолюбивой и замечательной я ни была, всем все равно, любой будет смотреть лишь на мои шрамы и кривиться от отвращения. Так что не смей упрекать меня в том, в чем нет моей вины!

Этна взорвалась. Подобно вулкану, извергая из себя резкие слова. Разливаясь, подобно бурному потоку реки, словами ненависти к самой себе. Подобно буре, она открыла все чувства, которые сдерживала глубоко внутри всю жизнь, сметая на своем пути все обвинительные слова. Ей не нужна чужая защита. Не теперь. Не тогда, когда в ее руке появился меч для защиты. Больше она не намерена молча терпеть все насмешки. Хватит с нее!

Казалось, Гвиневра должна была устыдиться. Андерс должен был ее одернуть. Но нет. Последний был абсолютно расслаблен, будто знал, что так и будет. А вот воительница... она выглядела довольной, насколько вообще может выглядеть довольным человек, лишенный эмоций и чувств.

– Ты смогла защитить себя. Так держать, Этна.

Этна опешила. Ошарашенно поняла, что все это время сжимала руки в кулаки и разжала их. Ей послышалось? Гвиневра... похвалила ее? Намеренно вывела на злость, чтобы показать истинную силу? Устроила словесный поединок не для собственного удовольствия и демонстрации силы. Это было сделано для нее. Для ее собственной победы. Чтобы признать свою боль, признать очевидный, постыдный факт. Так сложно. Так тяжело. Так... легко?

– Никогда не отводи взгляда. Никогда не стыдись. Никогда не бойся. И помни: ты не в ответе за чужие действия, лишь за свои. Только тебе решать, какой дорогой идти. Вся жизнь – борьба и лишь тебе решать, будет ли в твоей руке меч, с которым ты выиграешь не одну битву или твои руки будут пусты, а ноги быстры

от бесконечного бега.

Этна удивленно заморгала, ощущая, как челюсти расслабляются, а в груди перехватывает дыхание. Как она узнала? Будто прочла ее как книгу, где выделены все слабые места. Такая книга была у всех. И очень хорошо ее изучила неразлучная парочка, всегда знающая куда и с какой силой нужно бить. Гвиневра будто тоже изучила это тонкое пособие, но вместо подлых ударов вручила меч в руку, показав, как парировать чужие выпады. Огонь в душе от слов Андерса запылал сильнее.

– Я догадывалась, что ты понятия не имеешь, откуда эти шрамы. А Андерс сказал, что тебя задирают из-за них, что не очень справедливо по моему мнению, – продолжала говорить воительница, все также не отводя глаз от черных очей. – Ты не в ответе за чужие поступки, но так вышло, что тебе с ними жить. Так живи и не стыдись. Нужно иметь достаточно храбрости, чтобы жить с поступками прошлого, но, обретя эту храбрость, тебе будет подвластно все.

– Спасибо...

Это все, что сейчас могла сказать Этна. Слова были слишком важными. Слишком личными. Пронзающими до глубины души. Правдивыми. Даже Калисто не говорила ей подобных слов, никогда не указывала на ее значимость, вне зависимости от данного жизнью. Поэтому, расчувствовавшись за троих в этой маленькой комнате, целительница просто стиснула девушку в своих объятиях, думая о том, что обнимать ее – будто касаться твердого камня.

– Правда стоит благодарности, – отозвалась Гвиневра, обнимая Этну сильными руками, сталкивая взглядом с Андерсом и незаметно пожимая плечами – кажется воитель был впечатлен красноречием молчаливой воительницы.

– Спасибо... Я думала, что ты такая же, как они... Хочешь сделать больно, – целительница покачала головой, прерывая их спонтанные объятия и шумно выдыхая. Ее глаза блестели, но отнюдь не от слез. Гвиневра могла бы поклясться, что сама радужка будто слабо полыхает, подобно разгорающемуся угольку, готовому стать огнем. Но ей показалось. Это всего лишь солнечные блики отражались в чужих глазах.

– Нет, я просто хотела, чтобы ты научилась защищать себя.

Этна заканчивала свою работу в тишине. Обдумывала сказанное и понимала, как же была права воительница. Понимала, как же сама была глупа все это время. Просто боялась открыть глаза и принять правду внутри себя. Полагалась на чужие смешки и издевки, вместо того, чтобы полагаться на себя такую, какая есть. Разве ее вина во всем произошедшем? Она лишь жертва произошедшего. И нужно было давно перестать сдерживать злость внутри себя, терпя все издевки. Отныне она не будет молчать и терпеть.

Уборка тоже прошла в тишине. Воители хранили молчание, изредка переглядываясь, но понять, что означали эти взгляды, было невозможно. Юная целительница уже собиралась попрощаться с гостями. Им больше не было смысла оставаться здесь, к тому же у них оставалось полдня, чтобы добраться до Юга и поскорее оказаться в родных горах. Но эта внезапная словесная стычка, необходимая для собственного осознания невинности, будто бы сплотила трицу. По крайней мере у Этны создавалось именно такое ощущение.

– Я никому об этом не рассказывала, но вчера после посвящения произошло кое-что странное, – Этна повернулась к сидящим горным людям, уткнувшись поясницей в тумбу, на которой стоял таз с водой. Это было странно – делиться произошедшим, но ведь рассказывать о странностях гораздо проще незнакомцам, чем близким. Станный парадокс. – Я... я пошла в читальню, чтобы убрать на место одну книгу и столкнулась со странным человеком. Я не видела его лица, но когда он обернулся, весь мир вокруг будто замедлил свой ход, а сам этот человек будто светился.

Она ненадолго замолчала, пытаясь понять по непроницаемым лицам людей верят ли они ей или считают полным бредом начало ее рассказа. Впрочем, какие бы мысли у них не вызывали ее слова Андерс мягко кивнул ей, прося продолжать.

– В этот момент я будто потеряла контроль над своим телом и разумом. Он ничего мне не сделал, но то, что я была вынуждена... подчиняться ему, было жутко. Он дал мне какой-то пергамент и сказал прочесть его. Там было странное пророчество. И проснется Спящая, дочь огня и той, что утаила ее рождение. И выпустит силу свою она на континент. И не будет пощады всем от огня ее и даже вода не сможет помешать ей возратить Смерть в дом родной. – по коже прошли мурашки. Текст пергамента буквально врезался в мозг. Слова не отпускали и не забывались. – Потом он ушел. Пришла Калисто. Она забрала этот

пергамент. Я не рассказала ей про незнакомца, но она прочла текст и, клянусь Белой Волчицей, он ее испугал. Я видела страх в ее глазах. Но она ничего не сказала, попыталась отшутиться, что это всего лишь глупости...

Воители не разделяли чужого смутения. Сидели тихо и слушали внимательно. Но, кажется, верили. Не отрывали внимательных глаз от целительницы. Были поглощены ее рассказом.

– Это глупости, я знаю... Но сегодня мне приснился сон. Странный. Я ощущала боль. И слышала знакомые голоса. А еще видела младенца, объятых огнем. Это было так странно. И страшно. В этом сне были слова пророчества. Я ничего не понимаю, это пугает, – Этна отвела глаза, обнимая себя руками за плечи, жалея, что завела этот странный диалог. – Конец сна был странным и ослепляющим болью. Но в этом конце было что-то важное, я чувствую это...

– Ты подобна Гёдземе, – нарушил молчание Андерс. – Вдруг у тебя вещий сон, как у нее?

– Возможно, тебя просто напугал приход чужака, вот и приснился странный кошмар? – выдвинула свою версию Гвиневра. – Или это воспоминание. Первые ночи после испытания болью мне часто снились сны. Я ощущала много эмоций, которые накатывали будто бурный поток. Боль, радость, сожаление. Это захлестывало меня будто наяву.

– Кстати, возможно, Гвиневра права. У меня тоже было подобное. Только это были бессвязные сны, но я чувствовал все то, что уже не ощущаю. Множество эмоций и таких разных.

Этна взглянула на горных людей, которые не только не восприняли ее слова как бред, но и пытались помочь разобраться в ситуации. Хотя Этна сомневалась, что это было воспоминание. Слишком нереальным оно казалось. Возможно, ее и правда напугал приход чужака? Или это просто слова пророчества смешались сумбуром в ее голове с родными голосами, превратившись в пьяный кошмар. Она ведь выпила вечером, вот и приснился необъяснимый бред. Вещим сном это точно быть не может – она не одна из морского народца, чтобы иметь возможность наблюдать за временем. Или может... Она ведь понятия не имеет о своих корнях, может кто-то из ее родителей был с Запада и ей передались по наследству странные возможности? О, милостивая Мать, как же все сложно. И

непонятно.

– А ты не спрашивала, вдруг кто-то видел этого незнакомца? – мягко перевела тему в другое русло Гвиневра, которую, похоже, чужак волновал больше, чем странный сон.

– Нет, – Этна покачала головой, нехотя выныривая из потока собственных размышлений. – Все, кто помогали нам проводить испытание, ушли где-то в обед, а приход кого-то другого мы бы заметили. А если бы кто-то и видел незнакомца, то об этом бы уже все говорили. Понятия не имею, какую цель он преследовал и как смог незаметно уйти, но, надеюсь, он больше не вернется... Вы ведь не считаете, что я это выдумала или спятила? Я могу показать тот пергамент, если Калисто его не забрала, он наверняка до сих пор в...

– Мы тебе верим, – ответил Андерс, твердо и уверенно. Гвиневра согласно кивнула, будто и не могло быть никаких сомнений в чужом рассказе.

– Главное будь осторожна. А что до пергамента, то мы и правда верим тебе, но вот Калисто – нет. Уверена, она что-то знает и уже давно спрятала пергамент. Я бы так и сделала.

Этна заметно успокоилась, получив подтверждение веры. Это утешало, хоть и не давало ответов на все вопросы, которых стало еще больше. Почему Калисто солгала, если знает что-то? Нужно проверить, куда делся пергамент, возможно, бывшая наставница и правда его забрала вчера. Этна не могла знать этого наверняка – слишком странно ощущала себя вчерашним вечером.

Проводив горных воителей до порога, Этна попросила их не уходить и подождать ее на улице, а сама быстро направилась в читальню. Сейчас она пустовала, что было хорошо. Вот только возле подсвечника ничего не лежало, хотя молодая целительница надеялась, что возле входа, на небольшом стеллаже, будет лежать свернутый в трубочку пергамент. Она не помнила, куда Калисто дела его вчера, но искренне надеялась, что оставила в читальне. Даже проверила кресло, в котором сидела и другие стеллажи с книгами, но нигде не было и намека на свиток. Что ж, видимо бывшая наставница была умнее и осторожней, чем она предполагала.

Разочаровавшись в отсутствии таинственного свитка, она вышла на улицу. Отсутствие Этны было очень недолгим, но за это время любопытные дети успели окружить воителей и, в отсутствие взрослых, терзали их не только вопросами. Грета в окружении еще пары детей рассматривала огромный меч, который лежал на коленях у сидящего Андерса. Своими маленькими ладошками они прикасались к острой стали и кривлялись искаженным отражением, а воитель даже не улыбался, лишь умиротворенно наблюдал за удовлетворением чужого любопытства. А вот Гвиневра отнюдь не сидела. Стоя в стойке в окружении другой кучки маленьких северян воительница целилась из лука в ветку дерева. Отпустив тугую тетиву, ее стрела со свистом пронзила лесной воздух, попадая не в нижнюю ветку старой осины, но в ее зеленый лист, пронзая тот насквозь и срывая с ветки, останавливая свой полет столкновением со стволом другого дерева. Пораженные дети радостно и удивленно закричали, и наперегонки ринулись к стреле.

Хоть воители и не улыбались, но вот Этна не смогла не сдержать легкой улыбки. Детское любопытство всегда казалось каким-то необыкновенным и волшебным. Дети воспринимают мир иначе, через другую призму. Пусть тебе десять лет, но вид острого меча и пронзающей лист стрелы будет вызывать восторг также, как первый снег.

– Вы нравитесь детям, – проговорила она, подходя ближе к горным людям, сама с любопытством рассматривая их оружие, но сдерживая себя, чтобы не прикоснуться к блестящей стали меча.

– Скорее им нравится наше оружие, – заметила Гвиневра, убирая лук за спину и наблюдая за тем, как дети пытались вырвать стрелу из ствола дерева. Древко поддаваться не хотело, поэтому воительница пошла на помощь детям, без особого труда вынимая стрелу из коры и вручая детям лишь проткнутый листик осины, а вот стрелу пряча в свой колчан. Маленькие северяне были не слишком довольны тем, что им не дали трофей, но воинственный взгляд Гвиневры убедил их в том, что стрелы детям не игрушка.

– Не удивительно, они ведь никогда не видели ничего подобного вживую.

– Как и ты, однако твое любопытство сдержано, – заметил Андерс, поднимаясь на ноги вместе с мечом, заставляя детей расступиться. – Держи.

- Что?

Этна опешила, таращась на воителя и его протянутый меч. Но под твердым взглядом приняла его. Меч был тяжелым, и рука целительницы невольно начала опускаться к земле под непривычным весом тяжести. Однако она не могла не отметить, что сталь была приятная на ощупь (насколько это вообще было ощутимо сквозь перчатку) и имела гладкую структуру. Кузнец явно постарался на славу, делая ничем не примечательный меч, который казался ей необыкновенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-santis_karina/spyaschaya-v-ogne

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)